

К 160-летию основания
земской медицины в России

М. М. СОЛОВЬЁВ

ЗАПИСКИ
«ЗЕМСКОГО» ВРАЧА

Издательство «Северная звезда»
Санкт-Петербург
2024

Редактор
А. М. Соловьёва

Воспоминания более чем полувековой давности о встрече молодого городского врача с сотрудниками сельской (бывшей земской) участковой больницы и жителями прекрасного уголка русского Севера. Свой опыт работы в сельской больнице герой сравнивает с практикой земской медицины в России во второй половине XIX века, говорит о том примере высокого профессионализма и бескорыстного подвижничества в исполнении профессионального долга, служении нуждающимся и страждущим, который оставили представители земской медицины современному медицинскому сообществу.

ISBN 978-5-6050745-6-4

© М. М. Соловьёв, 2024
© «Северная звезда»,
оригинал-макет, 2024

Фотосалон
1960

Ленинград

Светлой памяти наших учителей

«Знайте же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание... Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь.»

Ф. М. Достоевский

Я думаю, счастлив тот, кого природа одарила способностью, а родители и учителя – умением жить, сохраняя прекрасные воспоминания о прошлом и мечтая о светлом и привлекательном будущем.

Себя я считаю счастливым человеком за свои способность и умение хранить светлые воспоминания о событиях, свидетелем или участником которых я был. Пусть на первый взгляд события эти и не столь значительны. И, возможно, читателю они покажутся случайными эпизодами, каких много в жизни каждого человека.

Но ведь все эти события – эпизоды моей жизни. Так что лучше хранить о них светлые воспоминания, которые помогают мне любить жизнь, радоваться ей. А таких эпизодов в моей жизни было множество.

В первую блокадную, самую страшную зиму сорок первого – сорок второго годов мы с мамой выжили в Ленинграде. Как ни странно, в моей памяти осталось немало светлых детских воспоминаний о том времени. Например, о том, как папе разрешили после ранения перед отправкой на фронт один день побыть дома с

нами. Как перед эвакуацией из Ленинграда летом сорок второго года нам с мамой удалось навестить папу на передовой линии фронта, которая проходила между Московским и Пулковским шоссе, там, где сейчас – храм Георгия Победоносца. Как в декабре сорок первого моя тётя Тоня подобрала на улице замёрзшего воробья-дистрофика, из которого мне сварили кастрюлю бульона на три дня. Долгое время я был уверен, что именно благодаря этому воробью мы с мамой выжили.

А еще как после войны, вернувшись из эвакуации домой в возрождающийся город, я вместе с другими ленинградскими школьниками в 1946-1947 году собирал в Таврическом и Летнем саду жёлуди и семена деревьев. Наши учителя объясняли, что семена нужны для выращивания полезащитных лесных полос, которые очень важны в борьбе с суховеями. Эти лесные полосы будут защищать урожай. После блокадного голода мы, городские ребята, были горды своим вкладом в то, чтобы хлеба в стране было вволю. Спустя 50 лет самолетом малой авиации я направлялся вместе с коллегами на конференцию в Липецк. Самолет шел очень низко, через иллюминатор было видно, как под крылом тянутся бескрайние лесозащитные полосы. И вдруг нахлынули детские воспоминания:

– Смотрите, смотрите, – говорил я коллегам, – Это же мои жёлуди, мои семена клёнов и берёз так выросли!

В 1956 году в качестве командира студенческого стройотряда 1-го Ленинградского медицинского института я выезжал в Казахстан на уборку первого целинного урожая. Мы были полны молодого задора и энтузиазма. Мы копали силосные траншеи, строили кирпичные жилые дома и саманные хозяйственные корпуса, работали на току, а вечерами пели у костра наши стройотрядовские песни: «Мы сделали не так уж много, но есть и наша доля в том, что побежали по дорогам машины, полные зерном!».

Среди светлых событий моей жизни особое место занимают воспоминания о том, как в 1961 году мне довелось поработать «земским» врачом. Некоторым эпизодам этого жизненного этапа посвящена моя книга.

Мои записки – это, конечно, не документальный отчёт о профессиональной практике, а воспоминания более чем полувековой давности о встрече молодого городского врача с сотрудниками сельской (бывшей земской) участковой больницы и жителями прекрасного уголка русского Севера. К сожалению, у меня не было с собой фотоаппарата, мне не удалось запечатлеть и сохранить на фотографиях виды Барановской больницы тех лет, лица её сотрудников и жителей колхоза Барановский, с которыми мне довелось встретиться, жить и работать бок о бок, плечом к плечу. Но я многие годы храню в своей памяти их образы, хотя некоторые имена и подзабыл. Чтобы не смутить никого из тех, кто попал на страницы моих «заметок», или их близких, все герои моего повествования выступают под изменёнными именами.

Но сначала – немного о том, с чего началась эта история.

Завершая учёбу на лечебном факультете Первого Ленинградского медицинского института (в те времена все называли его просто Первый ЛМИ), я мечтал работать хирургом широкого профиля. В студенческие годы моим кумиром был Владимир Устименко, герой книги Юрия Германа «Дело, которому служишь». Повесть эта была опубликована в журнале «Знамя» и полностью захватила мои мысли.

Во время распределения в марте 1960 года на вопрос председателя комиссии о том, куда бы мне хотелось поехать работать, я решительно ответил:

– Куда угодно, лишь бы была возможность работать хирургом.

– Вот и отлично, – воскликнула женщина, представлявшая Вологодский облздравотдел. – У нас в одном из районов области имеется прекрасная межучастковая больница, где нужен хирург. Там вы сможете заниматься хирургией сколько захотите. Согласны поехать?

– Да, согласен, – ответил я.

– Тогда подтвердите, пожалуйста, своё согласие подписью.

Она протянула мне ручку и указала на лист ведомости, лежащий на столе перед членами комиссии. Я отвинтил колпачок ручки и уже собирался было поставить подпись в указанной графе. И вдруг в зале раздался негромкий, но внушительный голос проректора по учебной части профессора Михаила Андреевича Сресели:

– Хочу обратить внимание членов комиссии на то, что кафедра челюстно-лицевой хирургии и стоматологии рекомендует оставить Михаила Михайловича в клинической ординатуре.

Я попытался объяснить Михаилу Андреевичу и членам комиссии, что уже беседовал с профессором кафедры Лазарем Рувимовичем Балонем и сообщил ему о своих планах стать хирургом широкого профиля. О том, что ответил мне на это профессор Сресели и что случилось потом, я подробно рассказал в своей книге «Путь хирурга: от мечты о море до синдрома ПСАФ аутодезадаптации».

В конечном итоге получилось так, что я, выпускник лечебного факультета, был оставлен в клинической ординатуре на кафедре, которая с 1960 года стала называться кафедрой хирургической стоматологии.

Должен признаться, что в дальнейшем я несколько не пожалел о сделанном выборе, поскольку очень увлекся многообразием проблем, решаемых челюстно-лицевой хирургией. К концу первого года ординатуры самостоятельно выбрал тему научного исследования. С

августа, сразу после отпуска, собирался заняться клиническими и экспериментальными исследованиям. Но в июне 1961 года руководство института предложило мне вместе с клиническими ординаторами других кафедр, принять участие в программе «Помощь практическому здравоохранению»: поработать месяц-другой врачом в Вологодской области. Я решил отправиться туда, не теряя времени, в свой летний отпуск, чтобы вернуться к началу сентября и активно заняться научной работой.

Рано утром третьего июля в понедельник я уже был в Вологде. В отделе кадров Вологодского облздравотдела меня встретила та самая женщина, которая на распределении предлагала мне работу хирургом в «прекрасной межучастковой больнице». Она меня тоже узнала и поинтересовалась моими успехами в стоматологии. Я ответил, что специализируюсь на челюстно-лицевой хирургии.

– К сожалению, вакантной должности челюстно-лицевого хирурга у нас нет. Можем предложить вам работу стоматологом на смешанном приёме.

– Нет-нет! Я же не стоматолог, я вообще не умею лечить зубы. Могу их только удалять.

– Что же мне с вами делать? Послушайте, у вас же диплом лечебного факультета... Помню, на распределении вы сказали, что готовы поехать туда, куда пошлёт вас родина. Так?

– Так, но при условии, что у меня будет возможность работать хирургом широкого профиля.

– Прекрасно! Вакансия хирурга в замечательной межучастковой больнице в деревне Барановское Кадуйского района все еще свободна. Между прочим, это бывшая земская больница, она была открыта в 1912 году. Когда больницу только открыли, там работал земский врач. Так оперировал с утра до ночи! Все койки в больнице были заняты, что называется, под завязку.

Работа земского врача – это действительно универсальная клиническая практика, насколько я себе представлял по впечатлениям от «Записок юного врача» Михаила Афанасьевича Булгакова. Цикл этих рассказов я читал на тонких машинописных листочках «самиздата», которые мне передала однокурсница Карина с условием вернуть их на следующий день.

– Михаил Михайлович, сейчас будет готов приказ о назначении вас главным врачом Барановской больницы, и вы сможете ещё сегодня отправиться в Кадууй, а оттуда – в Барановскую деревню.

– Послушайте, но вы же обещали мне работу хирурга, а не главного врача!

– Понимаете, дело в том, что в настоящее время в больнице работают только фельдшер, акушерка и медицинская сестра. Вы будете оформлены главным врачом и по совместительству – хирургом.

«Совсем как булгаковский герой из «Записок юного врача» – подумал я. – Он тоже предполагал, что первое время будет работать помощником земского врача Леопольда Леопольдовича. Но к моменту его приезда в Мурьевскую земскую больницу предшественника там уже не оказалось».

В тот же день я доехал на поезде до Кадуя – рабочего поселка, развивавшегося вокруг деревообрабатывающего комбината и фабрики плодово-ягодных вин. В районной больнице царил тишина, медперсонал выехал на прополку посевов кукурузы. Перед больницей красовалась большая круглая клумба, также засеянная кукурузой в духе общей генеральной линии. Зрелище это было довольно жалкое, высота стеблей «царицы полей» не превышала полуметра.

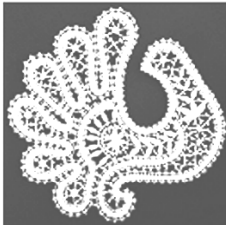
Вскоре появился главный врач ЦРБ, которому я передал приказ облздравотдела о назначении меня главным врачом Барановской больницы. Прочитав приказ, он сказал:

– Вот и хорошо. Через час фельдшер Барановской больницы забирает у нас лекарства для аптеки. Вы поедете с ней на нашей машине. Через 3-4 часа будете на месте.

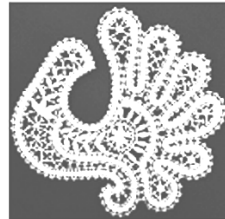
– А далеко до Барановского? – спросил я.

– По прямой-то километров шестьдесят, а если по нашим грунтовым дорогам да в объезд, то все сто, а то и больше. Июнь у нас был очень дождливым. Дороги размыло.

Меня накормили макаронами, напоили компотом. Через полчаса я со своим тяжёлым чемоданом, набитым врачебными справочниками, руководствами по хирургии, внутренним и нервным болезням, педиатрии, акушерству и гинекологии ехал в санитарной машине в Барановское.

ПЕРВЫЙ ЭПИЗОД

КРИМИНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Сегодня добраться из районного центра Кадуй в Барановское можно меньше, чем за час. В 1961 году мы ехали по извилистой грунтовой дороге, размытой дождями и разбитой грузовыми лесовозами, почти четыре часа.

В начале пути я сидел в салоне автомобиля на откидном кресле. На глубоких рытвинах машину так трясло и кидало из стороны в сторону, что мне стало совсем худо. Я прилёг на носилки, закрыл глаза и сразу ощутил себя шестилетним мальчиком, плывущим в 1942 году из блокадного Ленинграда по бушующему Ладожскому озеру на «Большую землю». Тогда меня сильно укачало, краснофлотец поднял меня из трюма на палубу. Немецкая авиация вела обстрел нашего катера. Но все равно на палубе мне было лучше, чем в трюме.

Некоторое время я крепился. Но в конце концов начал стучать по спинке водительского кресла и жестами показал, что мне надо срочно выйти из машины, иначе

могу оскандалиться... Водитель и женщина-фельдшер Барановской больницы помогли мне выйти из машины. Водитель вытащил из автомобиля «запаску», прислонил к борту. Меня усадили на запасное колесо, напоили холодным чаем. Стало немного легче. Но как только автомобиль тронулся с места, все мои страдания повторились.

Когда мне уже стало казаться, что живым я едва ли доберусь до места своего назначения, машина остановилась. Обернувшись ко мне, водитель произнёс с сочувствием:

– Доктор, вылезай, приехали.

Он помог мне выйти из машины, вынес мой чемодан и подвел меня к крыльцу деревянного дома. Мне было плохо, тошно и стыдно перед моими попутчиками и сотрудниками больницы за свой внешний вид и проявленную слабость. Отстранив поддерживающих меня водителя и женщину-фельдшера, я поспешил скрыться за углом дома, чтобы привести себя в порядок...

Пытаясь успокоиться, я стал вспоминать описание Булгакова, того, как в 1917 году герой «Записок», юный выпускник медицинского факультета Московского университета, добирался до своего места распределения.

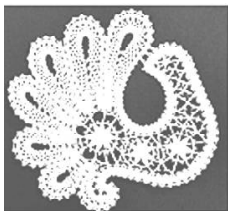
«Скажу коротко: сорок верст, отделяющих уездный город Грачевку от Мурьевской больницы, ехали мы с моим возницей ровно сутки. Ноги мои окостенели, и настолько, что я мысленно перелистывал страницы учебников, стараясь припомнить, существует ли болезнь, при которой у человека окостеневают мышцы? ... Наконец, мне, начиненному всякими знаниями из интересных медицинских книжек, вспомнилась болезнь – паралич. «Парализис».

Понемногу я приходил в себя. И начинал прислушиваться к тому, о чём говорили мои попутчики с подошедшей к ним молодой женщиной в белом халате. А она взволнованно рассказывала:

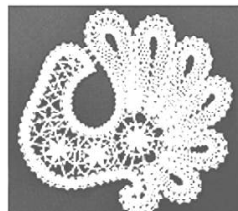
– Васька тётку Дусю завалил. Измял её. Еле растащили их. Думали, не довезём её до больницы. Она вся в крови. Кричит истошно: «Помогите, помогите! Умираю!»

Хорошенькое дело! Вот с чего начинается моя работа в больнице. Надо же случиться такому криминалу сразу в день моего приезда. Только этого мне не хватало!

– Да уж, без судмедэксперта и милиции тут не обойдётся. – подумал я.

ВТОРОЙ ЭПИЗОД

МОЙ ПЕРВЫЙ ПАЦИЕНТ

Перед тем, как выйти из своего укрытия за домом, я вспомнил фразу из «Записок» Булгакова:

«Направляясь в Мурьевскую глушь, я еще в Москве давал себе слово держать себя солидно!»

Я постарался, насколько хватило растроченных в дороге сил, приосаниться и держаться солидно.

Навстречу мне шла женщина-фельдшер, с которой мы приехали из Кадуя. Улыбаясь, она сказала:

– Михаил Михайлович, давайте теперь как следует познакомимся. Меня зовут Шура. До вашего приезда я исполняла обязанности заведующей этой больницей. А в этом доме вы будете жить. Заходите, отдыхайте с дороги.

Она подхватила мой чемодан, распахнула входную дверь, приглашая меня пройти в мою часть дома:

– Размещайтесь, отдыхайте, а я побегу к тётке Дусе. Я прервал её:

– Нет. Я пойду с вами. А вы уже уточнили, как это случилось? Где? Когда? При каких обстоятельствах?

– Не знаю. Но это уже не в первый раз. Васька вообще баб не любит. Особенно, если на них красные платки.

Я хотел уточнить, где сейчас Васька... Задержан ли... Вызвана ли милиция для составления протокола... Но не успел, потому что мы уже подошли к большому деревянному зданию. На стене красовался синий фанерный щит с лаконичной надписью: «Барановская больница».

Нас встретила девушка в медицинском халате – медсестра Алёна. Вместе с ней мы прошли в палату. В палате размещалось пять коек. На одной из них лежала женщина, укрытая одеялом, и стонала, повторяя:

– Больно! Больно! Умираю.

Я проверил частоту и наполнение пульса, измерил артериальное давление. Показатели были близки к норме. Все тело было во множественных ссадинах и кровоподтёках, особенно в области грудной клетки. Дыхание поверхностное, учащённое, ослабленное, но везикулярное. Давление на грудину вызывало боль в боковом отделе грудной клетки справа. Всё ясно. У больной перелом трёх рёбер справа, а также множественные ушибы и ссадины тела. Явных признаков полового насилия не вижу. Но каков Васька! По-видимому, отчаянный деревенский маньяк и садист.

Не желая сам выяснять интимные подробности криминального инцидента, я попросил фельдшера Шуру уточнить у пострадавшей, как все произошло. Шура, обращаясь к больной, повторила мой вопрос. Не смущаясь, тётя Дуся стала объяснять:

– Приготовила я для Васьки похлёбку. Думаю, побалую его, окаянного. А тут, откуда ни возьмись, появилась рыжая тёлка. Тоже, видать, захотела похлёбки. Увидел это Васька, набычился и ринулся на

тёлку. Та скок за меня и спряталась. Тогда Васька на меня набросился. Завалил и начал мять. Васька ревьёт, я ору от страха и боли. Думаю, что пришёл мне конец. Хорошо, неподалеку Кузьмич оказался. Схватил оглоблю и давай лупить Ваську что есть силы. Насилу отогнал его от меня. Тут бабы набежали, подняли, обмыли меня и повезли на телеге в больницу. Навстречу – наш председатель на своём козле...

Я бы, наверное, содрогнулся, представив себе эту картину, если бы не знал, что «козлом» называется автомашина ГАЗ.

Тетка Дуся продолжала:

– Спрашивает меня: «Тётка Дуся, что случилось?» А я ему: «Илья Палыч, мы тебя сколько раз просили избавить нас от этого паразита-разбойника Васьки! Ну и что, что он – рекордсмен-производитель. Продай ты его, Бога ради!»

Тут только до меня дошло, что Васька – это не деревенский насильник, а племенной бык-производитель, краса, гордость и дополнительный источник прибыли колхоза.

Тётке Дусе, пострадавшей от быка Васьки, мы наложили тугую повязку вокруг грудной клетки из трёх вафельных полотенец. Я назначил больной внутримышечные инъекции раствора промедола по 2-3 раза в сутки. Хотел записать это назначение в историю болезни, но фельдшер Шура сказала, что отдельные истории болезни не предусмотрены, а регистрация назначения наркотиков и антибиотиков ведется в журнале, который хранится в помещении амбулатории, там же, где и аптека. А все назначения и амбулаторным, и стационарным больным выполняют медицинские сёстры Алёна и Тамара.

ТРЕТИЙ ЭПИЗОД

ЗНАКОМСТВО С БАРАНОВСКОЙ БОЛЬНИЦЕЙ

Все симптомы моей «морской болезни» прошли бесследно, пока я успешно сдавал в Барановской больнице свой первый экзамен по оказанию врачебной помощи пострадавшей. Ободрённый успехом, я попросил фельдшера Шуру показать мне весь больничный корпус.

Шура была явно старше меня. На вид ей было уже под сорок. Поэтому я спросил:

– Извините меня, Шура, а как ваше имя-отчество?

– Меня все Шурой зовут. А по паспорту я – Александра Георгиевна.

Отлично! Я вообще-то не очень хорошо запоминаю имена. Но здесь – особый случай. Старшую сестру нашей университетской клиники челюстно-лицевой хирургии зовут Александрой Григорьевной. В институте она пользуется непререкаемым авторитетом. Все врачи клиники, не только молодые ординаторы вроде меня,

но и маститые хирурги относятся к ней с нескрываемым почтением. Александра Григорьевна – Александра Георгиевна... Имена похожи, легко будет запомнить.

– Можно я буду обращаться к вам по имени-отчеству? Извините, если по ошибке вместо Георгиевна скажу Григорьевна.

– Хорошо, Михаил Михайлович. Как вам будет угодно.

В этот момент я ещё не понимал, какой важный шаг сделал на пути к формированию уважительного и доброжелательного отношения Александры Георгиевны ко мне. Её в Барановском с детства звали Шуркой. Я, похоже, стал первым человеком, который начал обращаться к ней по имени-отчеству.

Мы с Александрой Георгиевной обошли все помещения больничного корпуса, рассчитанного на десять коек. Занятой оказалась лишь одна койка. Та, на которой мы только что разместили пострадавшую тётку Дусю.

– Это все имеющиеся койки? – спросил я Александру Георгиевну.

– Нет, еще две есть в родильном отделении. И три – в инфекционном.

– А почему больница пуста?

– Так сейчас самая горячая пора – сенокос. В это время каждый день год кормит. Все там, на сенокосе. И стар, и млад. А скоро пойдут ягоды, грибы. Тут уж все в лес потянутся, на болото, за заработком. Болеть некогда. Вот когда наступит глубокая осень, пойдут дожди, похолодает – тогда будет больше желающих полежать, полечиться в больнице.

Слушая Александру Георгиевну, я вспоминал комментарий Михаила Афанасьевича о востребованности стационарной помощи в Мурьевской земской больнице:

«Засим мы обошли пустые палаты, и я убедился, что в них свободно можно разместить сорок человек.

– У Леопольда Леопольдовича иногда и пятьдесят лежало, – утешал меня Демьян Лукич».

Буду надеяться, что и у меня пациенты появятся!

Мы вышли из больничного корпуса. Я осмотрел территорию больницы. Она имела прямоугольную форму. Слева располагался жилой дом с двускатной крышей для врача и фельдшера. Справа стоял одноэтажный флигель. Надпись над дверью с одного его угла гласила «Инфекционное отделение», с другого угла – «Родильный дом». Как выяснилось позже, в родильном отделении, кроме двух коек, имелась еще и операционная. Наискосок от больничного корпуса находился дом с надписью: «Амбулатория». Центр больничного двора украшала круглая клумба, редко засеянная анютиными глазками. На некотором удалении позади амбулатории располагались хозяйственные постройки: хлев для скотины, сарай для хранения хозяйинвентаря и сена, баня.

– Михаил Михайлович, вы, наверное, проголодались и устали с дороги. Давайте зайдем в амбулаторию. Вы ее посмотрите, а я отнесу в аптеку привезенные медикаменты и выдам Алёне препараты для тётки Дуси. А потом покормлю вас ужином. Хотите, можем баньку для вас истопить...

– Поужинать – это хорошо.

Я вдруг почувствовал, что очень проголодался. Что у меня, по выражению моей мамы, «от голода кишки урчат».

– А вот банька – потом. Я так устал с дороги. Все мышцы окостенели, как будто у меня «парализис», как сказал бы Михаил Афанасьевич.

– Кто-кто сказал бы? – переспросила Александра Георгиевна.

– Был такой писатель, Михаил Булгаков. В 1917 году трудился земским врачом в Смоленской области, по воспоминаниям о своем опыте работы в земской

медицине написал цикл рассказов «Записки юного врача». Читали?

– Нет, не читала... Да вы покушайте, в баньке попарьтесь, отдохните – вот весь ваш парализис и пройдёт!

Мы подошли к амбулатории. На крыльце лежала «аптека», привезённая из Кадуя: большая санитарная сумка, два трёхлитровых баллона с прозрачной жидкостью и вязаная сетка-авоська, наполненная пачками ваты, бинтов и рулонов марли. Входная дверь была заперта на массивный висячий замок. Ключ от него, как обнаружилось, лежал тут же под ковриком рядом с дверью.

Александра Георгиевна открыла дверь, внесла привезённые сумки и разложила их на столе, окрашенном белой эмалевой краской. Еще один стол, стоявший у окна, по-видимому, служил рабочим местом врача в ходе амбулаторного приёма больных. Рядом со столом стояло три стула. У стены находилась кушетка с подголовником, накрытая белой простынёй. Вдоль противоположной стены разместились медицинский шкаф со стеклянными стенками, закрашенными белой краской, и медицинский столик на колёсиках. На столике теснились стеклянные флаконы с лекарствами, металлические биксы, фаянсовые стаканы со шпателями для осмотра больных. На нижней полке лежали инструменты для оказания неотложной медицинской помощи, накрытые белой салфеткой. Деревянная дверь с табличкой «Аптека» вела в соседнее помещение. Ключ от дверного замка лежал в медицинском шкафчике на полке.

Через пару минут к нам присоединилась медсестра Алёна, которая помогала мне накладывать повязку тётке Дусе.

– Алёна, достань из аптеки ящик с наркотическими препаратами, – сказала Александра Георгиевна.

Алёна принесла и поставила на стол ящик-сундучок.

Сундучок был наполнен бумажными пакетиками и отдельными стеклянными ампулами разной формы и цвета: промедол, омнопон, морфий.

– Алёна, для Дуси возьми две ампулы промедола.

Из сундучка был извлечен бумажный пакетик, из него – две ампулы. Пакетик с оставшимися ампулами отправился обратно в ящик. Александра Георгиевна захлопнула крышку.

– Алена, поставь на место и не забудь сделать запись в журнал.

Я заметил на столе стопку толстых амбарных книг. Названия гласили: «Регистрация амбулаторных больных», «Регистрация госпитализируемых больных», «Регистрация поступления и расхода наркотических средств»; «Профилактические осмотры».

Простите, а почему у вас скопилось так много наркотических препаратов? – спросил я Александру Георгиевну.

– Да это запасы ещё с довоенных времён. Я-то стараюсь их не назначать. В медучилище нас так пугали опасностью развития наркомании... Мы стараемся анальгином обходиться. Я эти препараты с аптечного склада даже и не выписываю. Но в Кадуе нам их регулярно выдают. Вроде есть какой-то норматив.

«Надо будет разобраться с этим складом наркотиков, пока гром не грянул!» – подумал я.

Из амбулатории мы прошли в дом врача, то есть дом для медицинского персонала. Как врачу, мне предстояло занять две комнаты в передней части дома, обращённой на юг. В задней части дома находилась кухня с русской печкой и еще две комнаты, в которых жила семья Александры Георгиевны. Муж ее, Николай Сергеевич, был механизатором колхоза Барановский. Дочке Нюре было уже восемнадцать лет, она работала учётчицей в колхозе, но пока жила у родителей. В семье было еще трое сыновей в возрасте от 6 до 10 лет. На

чердаке под крышей для них были оборудованы две спальни, в холодное время эти комнатки обогревались от печного дымохода.

В кухне на столе стоял приготовленный Нюрой ужин: отварная картошка в чугушке, квашеная капуста, солёные грибы, селёдка, зелёный лук, сметана, чёрный круглый хлеб. Мы сели за стол. Нюра подошла к буфету, достала бутылку «Московской» и вопросительно посмотрела на мать. Я перехватил её взгляд и решительным тоном сказал:

– Нет-нет, спасибо!

После ужина меня проводили в мою часть дома. Первая комната была обставлена как кабинет. Посередине комнаты стоял мой чемодан, в платяном шкафу с открытой дверцей уже висел мой светлый китайский плащ. Письменный стол украшала лампа под зелёным абажуром.

В памяти опять всплыли булгаковские строки: «Горела лампа в кабинете в моей резиденции. Я сидел и, как зачарованный, глядел на достижение легендарного Леопольда: шкаф был битком набит книгами. Одних руководств по хирургии на русском и немецком языках я насчитал бегло около тридцати томов.»

В своем кабинете ни медицинских книг, ни даже книжных шкафов или хотя бы полка я не обнаружил.

– Да оно и к лучшему, что книжных шкафов нет, – решительно ободрил я сам себя. – Десяток привезённых из Ленинграда атласов и руководств вполне поместятся на письменном столе. Проще будет посмотреть при необходимости.

Я начал разбирать чемодан. Вынул книги, черновик своей статьи в журнал «Стоматология». Разложил их на столе и попытался включить лампу с зелёным абажуром. К моему крайнему удивлению, мне это не удалось. Лампа оказалась не электрической, а керо-

синовой. Это что же: в доме нет электрического освещения?

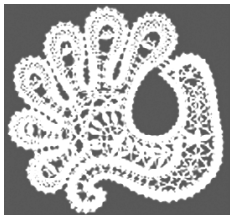
Я прошёл на половину Александры Георгиевны. На кухне за столом сидел Николай Сергеевич. На мой вопрос, имеется ли в нашем доме и вообще в больнице электрическое освещение, он ответил отрицательно. Сказал, что электрифицировать больницу планируется в следующем году. Мне стало не по себе.

«Ну, ничего страшного, – старался я и дальше бодриться. – И сам Михаил Афанасьевич, и герои его “земских” рассказов тоже ведь работали без электрического освещения. Да и мы в блокадном Ленинграде зимовали же при свете коптилок. И вообще, сейчас лето, светло, на дворе “белые” ночи».

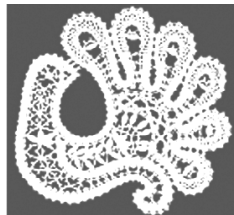
Я вернулся на свою половину, прошёл во вторую комнату – спальню. Металлическая кровать была застелена бельем, расцвеченным на самых видных местах овальными синими штампами «Барановская больница». Я упал на кровать и моментально заснул. Сквозь сон до меня доносились непривычные городскому уху звуки: собачий лай, лошадиное ржание, скрип тележных колес.

Проснулся я от осторожного стука в дверь. За дверью стоял старший сын Александры Георгиевны – Андрей.

– Дядя Миша, уже восемь часов. Вставайте, завтракать пора.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЭПИЗОД

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Сон с меня как рукой сняло. Надо же, уже восемь часов! А в девять я должен принять дежурство от медсестры Алёны, провести обход в стационаре. В половине одиннадцатого начинается приём амбулаторных больных. Времени остаётся в обрез. Так что решил сегодня зарядку не делать. Ограничиться короткой пробежкой и холодным обливанием у колодца с журавлём возле баньки. В трусах и в майке выскочил из дома. И чуть не столкнулся с Александрой Георгиевной, идущей мне навстречу с двумя вёдрами воды.

«Хорошо, что ведра полные, а не пустые, – подумал я. – Неудачным было бы начало первого рабочего дня».

Александра Георгиевна поставила вёдра на землю и сказала:

– С добрым утром, Михаил Михайлович. Как спалось, как отдохнули?

– Спасибо, всё хорошо. Только сквозь сон слышал ночью шум.

– Так это из лесхоза привезли роженицу.
– Почему меня не разбудили? Где роженица? Что с ней?

– Михаил Михайлович, вы же устали с дороги. Вчера еле на ногах держались. Даже от банки отказались. Я подумала, вам выспаться надо. А с роженицей все в порядке. Она повторнородящая. Мальчика родила. Сейчас – в родильном отделении. Наверное, спит. После завтрака мы с вами её осмотрим.

– Александра Георгиевна, я не сомневаюсь в хорошей профессиональной подготовке нашей акушерки. Но впредь прошу информировать меня обо всех пациентах, обращающихся в больницу.

Улыбка сползла с лица Александры Георгиевны.

– Хорошо, учту на будущее... – ответила она.

Подхватила ведра с водой и пошла к дому. Обернувшись, добавила сухо:

– Завтрак в кухне на столе.

Я почувствовал, что она обиделась.

Когда я вернулся после своих водных процедур у колодца, Александры Георгиевны в доме уже не было. На столе стоял приготовленный для меня завтрак: пшённая каша, хлеб со свиным салом, поллитровая банка топлёного молока. Позавтракав вместе с детьми Александры Георгиевны, я вышел из дома и остановился в раздумье:

«Куда идти? На обход в стационар, где ждёт тётка Дуся? В родильное отделение, куда поступила роженица?»

Сомнения мои разрешила женщина в медицинском халате, вышедшая из корпуса, в котором размещались родильное и инфекционное отделения. Увидев меня, она поздоровалась:

– С добрым утром, Михаил Михайлович. Мы с Александрой Георгиевной ждём вас.

«Наверно, это акушерка», – подумал я.

Так и оказалось.

– Я тут акушеркой работаю, меня Галиной зовут. У нас всё хорошо. Родился мальчик. Вес – три восемьсот, рост – пятьдесят сантиметров. Мать чувствует себя хорошо.

Я прошёл с Галиной в родильное отделение, где нас ожидала Александра Георгиевна. Она показала мне новорожденного малыша, немедленно встретившего нас громким плачем. Молодая мать, лежа на кровати, с аппетитом ела такую же пшённую кашу, какая и у меня была на завтрак. Вспомнив о своем решении держаться солидно, я строгим голосом спросил женщину, как она чувствует себя и поздравил с рождением сына. На этом мой обход родильного отделения закончился.

Необходимости в обходе инфекционного отделения не было. По словам Александры Георгиевны, последнего больного выписали еще месяц назад.

– В госпитальном отделении вас тётя Дуся ждёт. Жалуется, что повязка давит, дышать трудно, кашлять больно. Температура тела и артериальное давление в норме.

Я осмотрел тётю Дусю, поправил давящую повязку, объяснил, как надо откашливать мокроту. Можно было переходить к приему амбулаторных пациентов. У амбулатории стояла телега, рядом бродила стреноженная лошадь. На телеге и рядом на траве сидело несколько человек.

«Вероятно, это пациенты, приехавшие в больницу за медицинской помощью», – подумал я. – Но не угадал. Оказалось, это были родные роженицы, которую привезли ночью из отдалённого леспромхоза.

Хорошо, значит до приёма больных у меня еще есть время на то, чтобы обсудить с сотрудниками больницы необходимые организационные вопросы.

Поздоровавшись с семьей роженицы и поздравив их с рождением прекрасного малыша, я прошёл в уже

знакомое мне помещение амбулатории. И засыпал вопросами Александру Георгиевну:

– Кто будет помогать мне на амбулаторном приёме? Как осуществляется связь с Кадуьской районной больницей и с Вологодской областной больницей в экстренных случаях? Где и какие имеются инструменты для проведения операций?

– На центральной усадьбе колхоза есть радиоузел. Через него поддерживаем телефонную связь с Кадуем и Вологодой. Инструменты есть в перевязочных стационара, в родильном отделении и тут, в амбулатории. Видите, лежат вон на том столе. А еще на чердаке есть какое-то оборудование. Осталось еще с довоенных времен... А может, и с дореволюционных...

– А что там?

– Честно говоря, не знаю.

– Покажите мне, пожалуйста, что у нас имеется на аптечном складе, помимо ящика-сундучка с наркотиками.

«Любопытно, – думаю. – Может быть, в аптеке тоже сохранились лекарства дореволюционной эпохи»...

Александра Георгиевна отперла дверь аптеки и пригласила меня в небольшое помещение без окон и с полками вдоль стен. На полках лежали коробочки, пакетики, тубы, пузыри, баночки, банки, бутылки с водой и растворами. В основном это были лекарства и медицинские материалы для оказания неотложной помощи.

В центре потолка располагался люк, который вел на чердак. Судя по ключьям паутины, люк давно не открывали. Я решил: попрошу Николая Сергеевича помочь мне проникнуть на чердак аптеки, чтобы выяснить, что там хранится.

Больные, нуждающиеся в осмотре и помощи, так и не появлялись, поэтому я решил познакомиться с завхозом больницы, а заодно решить вопрос об органи-

зации своего питания. Александра Георгиевна предложила:

– Михаил Михайлович, знаете, я тут подумала: вы когда с нашим завхозом Петром Нестеровичем будете говорить, попросите, чтобы обеды на вашу долю готовила его жена Лукерья Ивановна. Наш завхоз – бывший электромонтёр колхоза, инвалид Отечественной войны. Лукерья Ивановна оформлена в штат больницы дояркой и по совместительству поваром. А завтракать и ужинать вы можете, если не возражаете, с нашей семьёй.

– Очень хорошо. Это меня вполне устраивает. Только скажите, сколько и кому платить за питание?

– Оплату за обеды бухгалтер рассчитает. А про завтраки и ужины – давайте так: вы несколько дней поешьте с нами нашу обычную пищу. Если все устроит – так и хорошо. А может, что-нибудь особое попросите. Не беспокойтесь, лишнего мы с вас не возьмём.

– Спасибо вам большое, Александра Георгиевна. И поверьте, я в еде неприхотлив. Я и голодную блокадную ленинградскую зиму пережил, и в эвакуации наголодался. С детства познал вкус и цену хлеба. Если на столе лежит хлеб и стоит стакан молока, для меня это уже праздник.

– Хорошо, Михаил Михайлович, я вам такие праздники обещаю хоть каждый день. А сейчас вы как главный врач больницы должны снять пробу, оценить больничный обед. Куда Лукерье Ивановне его подать? В вашу комнату или на нашу, то есть, извините, на вашу кухню?

– Конечно на нашу кухню-столовую, – ответил я.

И мы рассмеялись.

В кухне-столовой на столе стояли судки с горячим обедом, накрытые для сохранения тепла грелкой «Баба на чайнике». Рядом на тарелке лежало несколько кусков

хлеба, перья зелёного лука, редиска и свежий огурец. А ещё два гранёных стакана: один с компотом из сухофруктов, другой – с топлёным молоком.

На первое были жирные кислые щи с большими кусками свинины. Щи были хорошие, наваристые, но с каким-то странным весьма специфическим привкусом и запахом. На второе была отварная картошка с селёдкой.

После обеда я пошёл к хозяйственным постройкам больницы. Там я встретил завхоза Петра Нестеровича. Мы познакомились. Он рассказал, что воевал в составе ремонтной бригады дивизии зенитной артиллерии на Карельском фронте. Его дивизия защищала Мурманскую железную дорогу, по которой перевозили грузы Ленд-лиза, доставляемые союзниками в Мурманск морским путём. Во время авианалёта получил тяжёлое ранение ноги. Лечился в Вологде. Там познакомился с санитаркой Лушей. После войны вместе с ней обосновался в Барановском. Работать по специальности электромонтёра не смог из-за повреждения коленного сустава. Вместе с Лукерьей Ивановной начал возрождать хозяйство Барановской больницы, которое за годы войны пришло в упадок.

Пётр Нестерович, хромя, обошёл со мной все хозяйственные постройки, показал, где что находится, рассказал о задачах, решаемых больничным подсобным хозяйством, и о проблемах тоже.

Об этой стороне жизни больницы нам практически не рассказывали на кафедре организации здравоохранения. Например, я не знал, что медицинский персонал больницы должен был оказывать помощь подсобному хозяйству во время заготовки сена, полевых работ, уборки урожая. А потом у этого же подсобного хозяйства закупать продукты из бюджетных средств больницы.

На балансе подсобного хозяйства больницы числились: корова – 1, лошадь – 1, свиньи – 2, куры-

несушки – 12, петух – 1. Транспортные средства: телега – 1, велосипед – 1.

Я поинтересовался, зачем нужны две свиньи. Петр Нестерович объяснил:

– Одну забьем осенью, когда закончится прошлогодняя солонина. Вот тогда побалуем вас свеженькой свининкой. А вторую откармливаем на следующий год.

Я подумал, что специфический запах обеденных щей, вероятно, был запахом прошлогодней солонины «с душком», хранившейся почти год на леднике.

В конюшне на стене висели сбруя и седло, к которым я интереса не проявил, так как верхом ездить не умел. А вот велосипед Харьковского велосипедного завода (ХВЗ) привлёк мое внимание. Его рама была покрыта засохшими брызгами глины, но шины хорошо надуты, цепь щедро смазана.

Заметив мой интерес к велосипеду, Петр Нестерович сообщил, что велосипед полагается сельскому врачу как средство передвижения, а говорят, что скоро сельских врачей обеспечат мотоциклами. И добавил:

– Вот я почищу его, поставлю у вашего дома, и вы сможете ездить на нём куда угодно: в Барановское, в лес, на речку.

– А речка у вас тут имеется? – спросил я.

– Река наша называется Нега. Это приток Суды, а та уже идет до Рыбинского водохранилища. По этой тропинке до Неги полкилометра, не больше. Если захотите порыбачить, берите мои удочки. Червей можно накопать вон там, за хлевом.

– Спасибо, Пётр Нестерович, обязательно воспользуюсь вашим предложением, но не сегодня. Я сегодня хочу обследовать чердак амбулатории, посмотреть, что там хранится.

– Да что там может храниться? Барахло какое-нибудь. Ну, посмотрите, посмотрите. Я бы тоже посмотрел. Только с моей негнущейся ногой туда трудно

забраться. Лестницу берите ту, которая у сарая стоит. А потом – в баньку. Моя Лукерья протопит...

Николай Сергеевич с энтузиазмом взялся помочь мне обследовать больничный чердак. Принёс лестницу-стремянку и, не без труда открыв заржавевший висячий замок, откинул крышку люка.

Поднявшись по стремянке, я оказался на чердаке. Толстый слой пыли и кружева паутины с засохшими мухами почти не пропускали свет через небольшое оконце. Я попросил Николая Сергеевича передать мне мокрую тряпку, смахнул паутину и протёр оконное стекло. На чердаке стало светлее. Большая часть чердака была завалена коробками, ящиками, ящичками и просто грудой чего-то, накрытого байковыми одеялами. Я сдёрнул одеяло и свет на чердаке померк из-за облака поднявшейся пыли. Когда пыль осела, я увидел то, что скрывало одеяло. Тут были биксы, сифонная клизма, наркозная маска, ртутный тонометр Рива-Роччи в деревянной коробке. В центре стоял деревянный футляр, в котором обнаружился настоящий цейсовский микроскоп! Вполне вероятно, что все это было наследием земской больницы, сохранившимся еще с дореволюционной эпохи. Думаю, моё эмоциональное состояние можно было сравнить с чувствами Али Бабы, проникшего в пещеру с сокровищами сорока разбойников, или булгаковского героя, когда он осматривал наследство, доставшееся ему от Леопольда Леопольдовича, предыдущего земского доктора Мурьевской больницы.

Я хотел сразу перенести с чердака вниз все доставшееся мне богатство, но услышал голос Петра Нестеровича:

– Михаил Михайлович, спускайтесь. Лукерья Ивановна ждёт нас. Банька готова.

После пыльного чердака баня была просто необходима. Попарившись, мы отправились в Дом врача, где нас ждал ужин, приготовленный Александрой Геор-

гиевной. Кроме отварной картошки и ухи из наловленной мальчиками рыбы, на столе в качестве деликатеса появилась чесночная колбаса. В центре возвышалась бутылка «Московской».

За столом сидел незнакомый мужчина. Александра Георгиевна представила его:

– Председатель нашего колхоза Илья Павлович. Приехал с вами познакомиться.

Когда мы сели за стол, Илья Павлович быстро распечатал водку и разлил по стаканам. Мои слабые попытки отказаться от выпивки категорически отверг: «Доктор, это же от колхоза в честь вашего прибытия». И провозгласил первый тост:

– За знакомство с ленинградским доктором! За Михаила Михайловича!

Второй тост немедленно последовал за первым:

– За развитие барановской медицины при полном содействии со стороны колхоза!

Председатель собирался произнести третий тост, но бутылка уже опустела. Александра Георгиевна наклонилась к Илье Павловичу и зашептала ему на ухо. До меня донеслось:

– Ну как, нести ещё бутылочку?

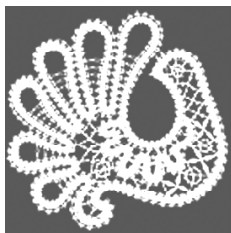
По всему было видно, что председатель готов ответить энергичным согласием. Поэтому я, сославшись на усталость после напряженного дня знакомства с больницей, предложил продолжить нашу встречу завтра.

Прощаясь, Илья Павлович забрал у меня направление из Вологодского облздравотдела и мой паспорт для регистрации временной прописки. Передавая паспорт, я не догадывался, что вернуть его получится еще очень нескоро.

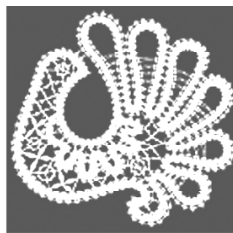
Когда гости разошлись, я напомнил Александре Георгиевне, что она должна разбудить меня в случае обращения любого больного за неотложной помощью, и пошёл на свою половину дома. Лежа в кровати и

накрывшись простыней, расцвеченной синими штампами, я думал, засыпая: «Какие замечательные люди работают в Барановской “земской” больнице. В таком коллективе месяц с небольшим пролетит незаметно. А уже в конце августа меня ждёт встреча с Кариной, возобновление работы в клинике челюстно-лицевой хирургии и продолжение научного исследования, которое, возможно, станет основой моей кандидатской диссертации».

С этими мыслями я заснул, не ведая того, что моя работа «земским» врачом в Барановском продлится намного дольше.

ПЯТЫЙ ЭПИЗОД

БУДНИ «ЗЕМСКОГО» ВРАЧА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Моя жизнь в Барановском представлялась мне так. Я встаю в 7 часов утра. Мысленно проверяю свой распорядок дня. В 9 часов – обход больничного корпуса. Затем приём больных в амбулатории. Тут, правда, неизвестно, когда он закончится – пока всех больных не приму. После обеда – организационная работа (я же еще и главный врач). После работы в свободное время покатаюсь на велосипеде по лесным тропинкам-дорожкам, пособираю грибы, потом съезжу на речку, искупаюсь. После ужина просмотрю газету, занимаюсь английским языком. Вот и прошёл ещё один день.

Но в реальной жизни все выглядело совсем иначе. По существу рабочий день участкового сельского врача не нормирован. В его обязанности входит оказание неотложной медицинской помощи больным с самой разнообразной патологией. Причем обращаются они за

этой помощью в любое время суток. Так что осуществить намеченные планы удаётся далеко не всегда.

В памяти остались отдельные события, типичные и необычные ситуации, из которых складывалась моя повседневная сельская врачебная практика. Впечатления о них сохраняют свою яркость и сейчас, спустя более шестидесяти лет по завершении моего опыта работы главным и единственным врачом бывшей земской больницы. О некоторых из них я намерен рассказать.

ШЕСТОЙ ЭПИЗОД

КОЛОТАЯ ТРАВМА ГЛАЗ ЦИРКУЛЕМ «КОЗЬЯ НОЖКА»

Николай Сергеевич, муж фельдшера Александры Георгиевны, сказал, что нашёл на обочине дороги, идущей через берёзовую рощу, первые в этом году грибы. Показал три маленьких и крепких подберёзовика. Вот отличный повод проявить свою солидность! Стремясь показать, что я – опытный грибник, говорю:

– По-видимому, начался сезон подберёзовиков. Их основной слой должен располагаться подальше от обочины дороги. Там их и надо искать. А далеко ли отсюда эта березовая роща? Как туда добраться?

– Да это по дороге на машинно-тракторную станцию, километра два, не больше. Дня через три, как я вернусь с Аксентьевской, можем туда съездить.

– А что, если я завтра на велосипеде съезжу туда на разведку, на рекогносцировку местности?

– Так, а что же, конечно...

На следующий день, закончив приём больных, я поехал на велосипеде в сторону МТС. Оставил велосипед на опушке и стал медленно ходить зигзагами в поиске грибов. Вскоре увидел первый, потом второй, третий гриб. Чем дальше я уходил от дороги вглубь рощи, тем чаще встречались грибы. Лихорадка удачливого грибника начала меня одолевать.

Неожиданно я услышал голоса, доносившиеся то слева, то справа.

– До-кто-р... До-кто-р... Ми-ха-ил Ми-хай-ло-вич...
Голоса приближались, становились громче.

– До-кто-р. До-кто-р. Ми-ха-ил Ми-ха-ило-вич.

Крики подействовали как холодный душ. Я бросился к велосипеду, оставленному на обочине дороги, и стал звонить в велосипедный звонок. По дороге со стороны больницы ко мне спешили люди. Я узнал Александру Георгиевну. Двое ее спутников были мне незнакомы. Запыхавшись от быстрого шага, Александра Георгиевна взволновано сказала:

– Михаил Михайлович, там Витьку привезли с выколотыми глазами! Мы вас едва нашли. Хорошо, мой Андрюшка сказал, что видел, как вы поехали в сторону МТС.

Один из парней, перебивая Александру Георгиевну, затараторил:

– Доктор, доктор, надо братану помогать! Скорей, скорей!

Я начал садиться на велосипед, чтобы быстрее добраться до больницы. Но тут на дороге появился мчащийся в нашу сторону мотоцикл с коляской. Со всего ходу развернув грохочущую машину и затормозив, водитель указал рукой на коляску и голосом, не допускающим возражения, крикнул:

– Доктор, вы забирайтесь в коляску, а ты, тётя Шура, садись за мной и держись крепче.

Оставив свой велосипед на попечение спутников Александры Георгиевны, я уселся в коляску.

По дороге мне рассказали, как было дело. Житель деревни, которого Александра Георгиевна называла Юркой, вернулся из заключения. Товарищи его собрались, чтобы отметить это событие. Спьяну один из них сболтнул, что, пока Юрка мотал срок, за его девушкой Маринкой ухаживал Витька. Услышав это, захмелевший Юрка озверел. Схватил первое, что под руку попало. Первым, к счастью, попался не нож и не топор, а циркуль «козья ножка». С криком: «Убью гада» он побежал искать Витьку. Тот как раз возвращался с работы. Повалив Витьку в огромную лужу на дороге, Юрка сел на него верхом и стал циркулем выкалывать ему глаза. Сбежавшиеся на крик люди с трудом оттащили озверевшего Юрку.

На больничном дворе собралась толпа людей, окружавшая пострадавшего. Витька сидел на ступеньках крыльца больничного корпуса, опустив голову к коленям.

Вид его был ужасен. Весь он, и особенно его лицо, было покрыто слоем подсыхающей глины. Кровь заполняла область глазниц и струйками стекала вниз по глиняной маске. Периодически он пытался открыть глаза, размазывая кровью глину, и выкрикивал:

– Не могу! Ой, не могу! Ничего не вижу!

За время своей врачебной практики в клинике челюстно-лицевой хирургии я не раз видел обезображенные лица пострадавших в результате транспортной или огнестрельной травмы. Но тогда рядом находились опытные врачи, мои учителя. А тут все от меня ждало указаний и действий. Преодолев первую реакцию страха и растерянности, я велел Александре Георгиевне и медсестре Тамаре отвести больного в процедурную, снять с него грязную одежду, смыть тёплой водой глину с тела, не трогая лица, и ждать меня. На помощь моему

медицинскому персоналу пришли оказавшиеся в толпе завхоз Петр Нестерович и его жена Лукерья Ивановна.

Забежав домой, я переоделся и заглянул в «Справочник практического врача». Но там вразумительной информации о врачебной тактике при колотой травме глаз, подобной той, которую получил Витька, я не обнаружил.

Когда я вернулся, Витька сидел в ванной. Мои помощники смывали с его тела последние следы грязи. Лишь лицо оставалось покрыто слоем глины. Я попросил наполнить тёплой водой кружку Эсмарха, и начал смывать грязь с лица струей воды, как это делал мой учитель профессор Лазарь Рувимович Балон у больных с травмой и гнойно-воспалительными процессами лица.

На коже век стали видны множественные колотые раны с кровоизлияниями в окружающих тканях. Я развёл веки и увидел следы множественных проколов склеры глаз. На вопрос, видит ли он что-нибудь, Витька отвечал:

– Всё как в тумане. Ни черта не вижу, доктор!

Промыв несколько раз глаза пострадавшего раствором борной кислоты, я наложил на область глазниц ватные тампоны, пропитанные раствором борной кислоты, фиксировал их марлевой повязкой. Назначил внутримышечные инъекции пенициллина, промедола и смену ватных тампонов с раствором борной кислоты.

Мы попытались связаться с Вологодской областной больницей. Телефонная связь не работала. Как выяснилось позже, из-за сильной грозы над Вологдой.

Люди, собравшиеся у больницы, не расходились. Наоборот, их даже стало больше. От толпы отделился незнакомый мне мужчина. Он спросил:

– Шура, прооперировали Витьку? Будет видеть?

– Да, доктор все сделал, – ответила Александра Георгиевна.

Мужчина (он оказался парторгом колхоза Барановское) повернулся к толпе людей и громко объявил:

– Доктор Михаил Михайлович прооперировал Витьку. Всё будет хорошо. Расходитесь.

На следующее утро еще до завтрака я побежал к Витьке провести осмотр и сделать перевязку. Когда я снял ватные тампоны, холодок пробежал у меня по спине. Веки выглядели как огромные шары лилового цвета. К ним было страшно прикоснуться. Когда я всё же с трудом приподнял правое веко, стало видно глазное яблоко.

– Ой, доктор, не давите! Больно! Больно. Да вижу я, вижу.

– Как видишь?

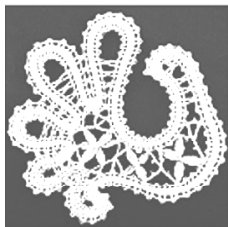
– Как в тумане, но вижу. Только не давите.

То же самое я проделал с левым веком и получил такой же ответ:

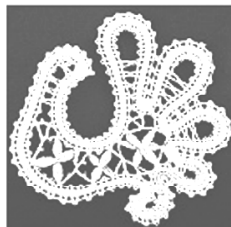
– Вижу как в тумане. Не давите. Больно.

У меня как гора с плеч свалилась. Я попросил Николая Сергеевича подбросить меня до Барановского узла связи. На этот раз удалось выйти на связь с Вологодой. Окулист-консультант Вологодской областной больницы обещал мне, что оттуда пришлют вертолёт и возьмут больного. Через две недели Витька вернулся в Барановское в очках. Благодарил меня. Уверял, что зрение почти восстановилось. А Юрку забрал наряд милиции и отвёз в областной следственный отдел. Его судили.

Эта история получила неожиданное для меня продолжение. В народе пошла молва, что доктор из Ленинграда возвращает незрячим зрение. Ко мне на приём потянулись плоховидящие и слепые больные из Кадуйского и соседних Бабаевского, Белозерского и Череповецкого районов...

СЕДЬМОЙ ЭПИЗОД

МЕСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БОЛЕЗНЕЙ

День ото дня число пациентов амбулатории возрастало. Люди шли пешком, приезжали на велосипедах, на телегах, даже верхом на лошадях. А вот госпитальный блок больницы пустовал, койки простаивали.

К началу августа заметно увеличилось число обращений женщин с жалобами на боли, по их выражению, «в холке». От госпитализации пациентки отказывались, но просили дать им освобождение от работы в колхозе. Сочувствуя больным, я выдавал «билютни» направо и налево. Смущало меня, правда, одно обстоятельство.

Я привык к тому, что и в художественной, и в медицинской литературе термин «холка» используется для описания области над остистыми отростками позвонков шейно-грудного отдела позвоночника. Мои же пациентки, показывая, где именно у них болит «холка», похлопывали себя по спине в области пояснично-крестцового отдела. Пальпация этого отдела позвоночника действительно была болезненна, тогда как пальпация

шейно-грудного отдела не вызывала болевой реакции. Поэтому здесь беру термин «холка» в кавычки, относя его к особенностям местного диалекта. Жалобами на боли «в холке» жители Барановского описывали проявления пояснично-крестцового радикулита.

Как-то к вечеру в больницу заехал председатель колхоза Илья Павлович. Я заканчивал вечерний приём амбулаторных больных. Он поздоровался и сразу перешел к делу:

– Я ненадолго. Извините меня, Михаил Михайлович, но вы меня без ножа режете. Начался покос, сено надо сушить-ворошить. Каждый день по три-четыре раза дождик принимается! А ты половину наших баб по домам распустил, на печи лежать-лечиться. Что зимой без сена будем делать? Думай, Михалыч. Колхозу надо помогать!

И я стал думать, чем могу помочь колхозу.

Неожиданно возникшая необходимость попасть в соседнюю деревеньку Остров, в двенадцати километрах от Барановского, помогла мне понять суть проблемы и найти, как мне казалось, оптимальное решение.

Особенностью Острова, деревушки на 10-15 дворов, было ее расположение. На большем протяжении селение окружало болото, через которое была проложена гать. Зимой, когда болото замерзало, по гати можно было проехать на машине, летом только пройти «пешедралом» (то есть – пешком), шагая рядом с телегой и держась за оглоблю на случай, если прогнившие брёвна обломятся или разойдутся, и ты окажешься по пояс в болотной трясине. Именно так пробирались через болото мы с больничным завхозом Петром Нестеровичем.

К концу лета вся поверхность болота была покрыта мхом. Тут и там возвышались зелёные кочки, верхушки которых были усеяны поспевающими красными ягодами клюквы. Любуясь этими красными огоньками, я вдруг

заметил несколько кочек другого цвета. Когда подъехали поближе, Петр Нестерович весело прокричал:

– Эй, бабоньки, поднимайтесь! Встречайте доктора.

Ближайшая к нам синяя кочка стала медленно подниматься, разгибаясь и обретая черты женской фигуры. Потом она повернула голову в нашу сторону, и я узнал свою пациентку, которой всего три дня тому назад выдал больничный лист по поводу пояснично-крестцового радикулита. Она посмотрела на меня в некотором смущении, и, обращаясь к кочке коричневого цвета, негромко произнесла:

– Вставай, попались. Доктор тута...

Коричневая кочка попыталась разогнуться, но не смогла. Обращаясь к своей приятельнице, сказала

– Не могу разогнуться. Больно! Фрося, холку мне помни.

Та бросила на меня вопрошающий взгляд, как бы спрашивая моего разрешения. В знак согласия я кивнул головой. Фрося повернулась и медленно, осторожно ощупывая шестом то место, куда собиралась поставить ногу, стала продвигаться к коричневой кочке. Приблизившись к ней вплотную, нагнулась и начала массировать своей товарке поясницу. Через пару минут обладательница коричневого одеяния поднялась.

Петр Нестерович потянул лошадь за узду, и мы продолжили свой путь. Осторожно ступая по тропинке, он говорил, как бы извиняясь:

– Нам, мужикам, на фронте было несладко. Так то война была. А бабы в мирное время надрываются, чтобы прокормить семью. В колхозе на трудодни деньгами выдают копейки. Личные подсобные хозяйства разорены налогами. Коров почти не осталось. А как детей растить, семью кормить? Один выход – ягоды-грибы насобирать да продавать. Если город близко, то на рынке можно за приличные деньги продать. А заготконторы платят мало. Вот наши бедные бабы и надрываются. Болит, не болит холка – все одно ступай в лес, на болото.

Я молчал. Что я мог ему ответить... Всю дорогу до Острова я думал, как бы одновременно решить сразу несколько разных задач: выполнить просьбу председателя колхоза о сокращении освобождений от работы; заполнить пустующие больничные койки; выполнять свой врачебный долг – облегчать страдания больных; не нарушать правила выдачи больничных листов.

Когда мы выбрались из болота, и телега покатила по твердой грунтовой дороге, эти размышления были вытеснены мыслями о моей ближайшей миссии в Острове.

Накануне мне нарочным сообщили, что был телефонный звонок из вологодского бюро судебно-медицинской экспертизы. Предлагали врачу барановской больницы срочно связаться с бюро по телефону. Что могло случиться? После амбулаторного приёма я отправился на телефонный узел Барановского. Телефонистка соединила меня с вологодским бюро судебно-медицинской экспертизы. Голос, представившийся руководителем бюро, спросил:

– Михаил Михайлович, не могли бы вы нас выручить – провести медицинскую экспертизу случая гибели жителя деревни Остров. Остров же к Вашей больнице относится?

Недолго думая, а точнее – и вовсе не раздумывая, я ответил:

- Да, конечно.

Нужно сказать, что у меня была такая легкомысленная привычка: не раздумывая, отвечать согласием на любое предложение моих преподавателей принять участие в клинической работе, выполнении диагностической или лечебной манипуляции. Зная эту мою слабость, мама часто повторяла свою любимую поговорку:

– Семь раз подумай, один раз отрежь.

Но что делать? Слово не воробей, вылетит – не поймаешь. Я даже не успел спросить, что произошло с пострадавшим.

ВОСЬМОЙ ЭПИЗОД

СУДМЕДЭКСПЕРТИЗА

Телега тряслась по грунтовой дороге, то и дело проваливаясь колесами в рытвины. А я думал о том, что ждёт меня в посёлке Остров. Может быть, это убийство в драке? Или убийство из ревности? Вроде недавнего конфликта в Барановском между Юркой и Витькой, чудом не завершившегося смертельным исходом... Я начал потихоньку жалеть, что согласился на участие в раскрытии этого криминала. Хотя, конечно, кое-какой опыт судмедэкспертизы у меня имелся.

На третьем курсе после того, как я успешно сдал зачет по патологической анатомии, наш преподаватель доцент Татьяна Борисовна Журавлёва спросила меня:

– Хотите заниматься в студенческом научном обществе на нашей кафедре?

Я даже раздумывать не стал:

– Да, конечно.

– Тогда начнём со вскрытий. Посмотрите расписание моих дежурств в прозекторской. Будете мне помогать на патологоанатомических вскрытиях.

Несколько раз после занятий я приходил в прозекторскую и ассистировал Татьяне Борисовне на вскрытиях по методике профессора Шора, её учителя. Но патологоанатомом я не стал. Меня увлекла клиническая хирургия.

На пятом курсе студенческий профком предложил нашей группе участвовать в агитпоходе по Ленинградской области. Для этого институт предоставлял нам возможность провести три дня на загородной спортивной базе, при условии, что в эти дни у нас не будет занятий. В то время у нас шел цикл на кафедре судебной медицины. Мы упросили преподавателя проводить с нами занятия утром и вечером, с тем чтобы освободить три дня для поездки. Утром – теория в учебной комнате на кафедре, вечером – практические занятия в прозекторской. На ассистирование преподавателю в ходе судебно-медицинских вскрытий однокурсники единодушно делегировали меня как старосту группы. Я не возражал. После завершения вскрытия группа обычно уходила, а я оставался, чтобы под диктовку преподавателя записать протоколы вскрытия.

Было и еще одно обстоятельство, почему я согласился ехать в Остров. На чердаке амбулатории в одном из ящиков я обнаружил кожаный баул с первоклассным набором инструментов из крупновской стали для патологоанатомических вскрытий. Этот баул трясся сейчас в телеге. Мне не терпелось апробировать инструменты на практике.

На околице нас встретили и проводили до дома пострадавшего. По дороге рассказали, что хозяин дома был человеком тихим, работающим. Пьющим, но умеренно, как все. В день трагического происшествия по случаю полочки к нему пришли товарищи. К девяти вечера все разошлись по домам. Жена Веньки, не найдя мужа дома, стала его искать и обнаружили, что он висит

в хлеву. Из петли вынули, а он не дышит. Так и не раздышался. Вызвали участкового милиционера.

Меня провели в дом. Мёртвое тело хозяина дома лежало в сенях на лавке, накрытое байковым одеялом. На шее была видна странгуляционная борозда. Я попросил снять с тела одежду и перенести его поближе к окну. Подготовкой к вскрытию руководил Пётр Нестерович. По его указанию обеденный стол, стоявший в горнице, придвинули к окну, накрыли клеёнкой. Тело положили на стол. За занавеской, отгораживавшей часть горницы, причитала жена покойного. В комнате сгустились сумерки.

Пётр Нестерович подошёл ко мне и тихо сказал:

– Михаил Михайлович, подождите маленько. Сейчас будет свет.

Минут через десять раздался гудок подъезжающего автомобиля. Машина с включенными фарами вплотную подъехала к окну, осветив горницу.

Я начал патолого-анатомическое вскрытие по Шору, как учили в институте. Обернувшись, увидел, что снаружи к двум боковым окнам комнаты прильнули лицами жители посёлка, и стар, и млад. С огромным любопытством они следили за происходящим в комнате. Сделав вид, что не замечаю их, я завершил вскрытие. Попросив Петра Нестеровича помочь родственникам и соседям перенести тело в сарай и прибраться в горнице, я отправился в соседний дом писать протокол вскрытия, в котором обосновывал предположение, что смерть наступила в результате суицидной попытки – удушения повешеньем после приёма алкоголя.

Когда я закончил писать протокол, меня пригласили поужинать. Причем проводили в тот же дом, где я только что проводил вскрытие тела хозяина. Полы в доме были уже вымыты. По центру горницы стоял тот самый обеденный стол, на котором я только что работал, но накрытый теперь не клеёнкой, а белой скатертью.

На скатерти были расставлены тарелки с нехитрой едой. В середине возвышалась бутылка «Московской» и ещё одна бутылка с мутноватой жидкостью. Мне стало как-то не по себе. Появилось ощущение дурноты. Я хотел было отказаться от ужина, но Петр Нестерович усадил меня за стол, налил в гранёный стакан водки и сказал:

– Выпейте, Михаил Михайлович, за упокой души солдата Вениамина.

Ночевать в доме усопшего я отказался. Попросил постелить мне на сеновале. Утром после завтрака Петр Нестерович сказал, что договорился: меня довезут до Барановского на машине, в объезд болот. Сам же он вернётся домой прежним коротким путём, по болоту.

Я с «унаследованным» кожаным баулом занял место рядом с шофером в кабине четырёхтонного ЗИЛа. На выезде из посёлка нам замахала рукой старушка, стоявшая на обочине. Она попросила шофера подвезти её до какой-то заимки. Шофер спросил меня, поместимся ли мы втроём в кабине.

– Конечно, поместимся – ответил я.

Когда мы доехали до заимки, молчавшая всю дорогу старушка неожиданно с любопытством спросила меня:

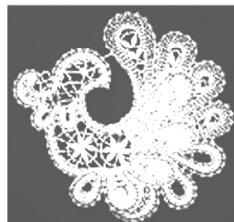
– Родненький, а что ты нашёл у Венки в мозгах?

– Ничего плохого не нашёл, – ответил я.

– Ну и слава Богу, – прошептала старушка и перекрестилась.

ДЕВЯТЫЙ ЭПИЗОД

КАК ПЕРЕВЕЗТИ ЧЕРЕЗ РЕКУ КОЗУ, КАПУСТУ И ВОЛКА

Всю обратную дорогу из Острова я обдумывал свое не слишком лестное для моего врачебного авторитета открытие. Стало ясно, что некоторые мои пациентки, которые просили о выдаче больничного, но отказывались от госпитализации, руководствовались не столько состоянием своего здоровья, сколько иными, далеко не медицинскими соображениями.

Я думал о том, как бы одновременно учесть просьбу председателя колхоза, заполнить пустующие больничные койки, облегчить страдания больных и не дать повода для жалоб на бездушное отношение даже к тем, кто пытался с моей помощью получить немного свободного времени для своих личных дел.

Вспомнил, как в детстве я не мог разгадать загадку: как перевезти через реку в одной лодке волка, козу и капусту? Тогда правильный ответ мне подсказала мама. Сейчас правильное решение я должен был найти

самостоятельно. И я думал. Думал так напряжённо, что даже не испытывал симптомов укачивания, хотя машину кидало и подбрасывало на рытвинах и ухабах не меньше, чем лодку на волнах бушующей Ладоги.

Теперь, спустя более шестидесяти лет, мне кажется, что именно тогда в моём сознании постепенно начали вырисовываться контуры того, что сегодня я определяю, как системный биопсихосоциальный подход в медицине.

Термин «биопсихосоциальная модель заболевания» впервые предложил Джордж Энгель в 1977 году. Но суть биопсихосоциального подхода к пониманию возникновения, течения и лечения заболевания была известна гораздо раньше. Еще в годы моего студенчества нас учили учитывать индивидуальные особенности больного, его психологическое состояние и социальный статус. Этому принципа я старался придерживаться многие годы своей врачебной практики.

Поняв, что под жалобой на боль «в холке» женщины из Барановского подразумевали боль в пояснично-крестцовой области, я начал более тщательно оценивать локализацию, интенсивность болей, нарушения двигательной функции. Если у меня возникало подозрение, что больная преувеличивает интенсивность болей, я старался это незаметно проверить. Например, оценивал, как пациентка поднимает с пола как бы случайно упавший лист бумаги или карандаш.

Информацию о психологическом и социальном портрете пациентов я получал от Александры Григорьевны или от медицинской сестры, ассистировавших мне на амбулаторном приёме. Они хорошо знали всех местных жителей и умели буквально в двух-трёх словах дать стремительную и, не могу не признать, практически безошибочную характеристику каждой пациентке: тихоня, притворщица, гулящая, работающая, ленивая, неряха, бедолага, болтушка, попрошайка, стахановка... Постепенно я начал внимательно прислушиваться к этой

психо-социальной характеристике, выбирая условия лечения и принимая решение о временной нетрудоспособности. Если у меня возникало убеждение, что пациентка аггравировает (преувеличивает) свои страдания, я не торопился выписывать больничный лист. Но никогда не говорил пациентке о своих сомнениях. Бывало, что односельчанка, охарактеризованная моими экспертами-информаторами как «наглая», продолжала настаивать на освобождении от работы. На вопрос, почему она не имеет право на освобождение от работы, если еще вчера я выдал больничный лист ее соседке, у которой такие же боли «в холке», я отвечал:

– Понимаете, у нас сейчас нет бланков больничных листов. Через 3-4 дня привезут новые. Вот тогда и приходите. Если очень болит, давайте полечим вас в больнице. Ах, не хотите госпитализироваться? Ну, тогда я вам рекомендую следующее лечение...

Отмечу сразу: таких пациенток за всё время моей работы «земским» врачом были единицы. В целом женщины Барановского вызывали у меня искреннее уважение. Это были труженицы. Больше половины из них были вдовами, потерявшими мужей на фронте. У некоторых мужья вернулись домой калеками. Этим женщинам пришлось заменить мужчин на трудовом фронте во время войны и в послевоенные годы. Помимо тяжёлой физической работы в колхозе, на лесозаготовках, на них лежал груз ответственности за поддержание своих семей. Чтобы накормить, одеть и обуть своих детей, они вынуждены были искать любую возможность дополнительного заработка – совмещать работу в колхозе и на приусадебном участке со сбором ягод и грибов на продажу.

Вспоминая женщин, скорчившихся на болоте и собирающих клюкву, я думал о своей маме. Оставшись одна с двумя детьми после того, как глава семьи, мой отец, добровольцем ушел на фронт в первые недели войны и

погиб в 1944 году при снятии блокады Ленинграда, она работала на фабрике, а по ночам во время воздушных тревог дежурила на крыше нашего дома, ездила под артобстрелами собирать на полях пригородных колхозов капустную ботву, оставшуюся после уборки урожая. Чтобы выжить в годы эвакуации в Казахстане бралась за любую работу. Работала агрономом, приёмщицей сахарной свёклы, завхозом. Научилась ездить верхом, хотя никогда раньше не сидела в седле. Получила черепно-мозговую травму. Но все перенесла. И нас, детей, вытянула.

Думая о том, как можно одновременно помочь моим пациентам и повысить эффективность использования коечного фонда, я придумал вариант реорганизации работы Барановской больницы. О своем предложении рассказал парторгу колхоза Ивану Михайловичу. Суть моей идеи заключалась в следующем. Я предложил организовать работу больницы по типу профилакториев, созданных во время войны на промышленных предприятиях и получивших дальнейшее развитие после войны. Работники этих предприятий могли после работы получить питание, лечение и остаться на ночь, а утром после завтрака выйти на работу. Такой вот стационар краткосрочного пребывания. В качестве основного метода лечения для пациентов «стационара-профилактория» я планировал применение метода ползучего инфильтрата по А.В. Вишневскому, который, как было мне известно, хорошо помогал при различных болевых синдромах.

На следующий день в больнице появились парторг и председатель колхоза. Я ещё раз детально изложил свой план организации работы больницы по типу профилактория при промышленных предприятиях. Мой план был одобрен и мне была обещана поддержка со стороны колхоза.

ДЕСЯТЫЙ ЭПИЗОД

РАБОТА В РЕЖИМЕ «ПРОФИЛАКТОРИЯ»

Заручившись обещанием председателя и парторга колхоза поддержать меня в организации работы Барановской больницы по типу профилактория, я собрал сотрудников и рассказал о своих планах. Не скажу, чтобы моя идея была воспринята с энтузиазмом. Коллектив давно привык работать в условиях минимальной загрузки стационара. Практически никаких ночных дежурств. С утра приняли немногочисленных амбулаторных больных, обращающихся за медицинской помощью (или за освобождением от работы). И дальше – свобода для кучи домашних дел и заботы о приусадебном участке. Неудивительно, что у персонала сразу возникла масса возражений против значительного расширения объема работы. Были высказаны опасения, что с увеличением числа госпитализаций для больных не хватит постельного белья. С питанием больных тоже будет проблема: вот-вот кончится солонина, а без

неё – щи – не щи, суп – не суп. Да и сами пациенты будут отказываться ложиться в больницу, скажут:

– На кого же я дом-то оставлю? Уж лучше потерплю. Пирамидон или какое другое лекарство попринимаю, потру холку водочкой с перцем, попарюсь в баньке, чуток полежу. Глядишь, все и пройдёт.

Не хотелось мне вступать в долгие споры со своими сотрудниками. Я сказал, что руководство колхоза твердо обещало нам помочь. Тут голос подала больничная скотница, она же повариха Лукерья Ивановна, жена завхоза Петра Нестеровича.

– Они – мастера обещать. Вот обещали выделить нам тёлку. Наша Зорька коровой только называется. Ест, как мельница, а молока даёт – кот наплакал. Год прошёл, а тёлки нет как нет. Всё обещают...

Я решил завершать обсуждение:

– Совещание окончено, коллеги. Приступаем к работе.

Настроение у меня было ниже среднего: стало понятно, что воплотить мои планы будет не так-то просто. Чтобы развеяться, отправился вечером на рыбалку на речку Неги – приток Суды. Но и тут не повезло: клёва не было.

– Может, не надо было мне заводиться с этим профилакторием – размышлял я на обратном пути. – Все равно скоро вернусь в Ленинград. А они тут пусть себе живут и работают как прежде.

Но за ужином Александра Георгиевна неожиданно меня поддержала:

– Михаил Михайлович, вы правильно делаете, что предлагаете изменить работу нашей больницы. Я же только фельдшер. Пока главврача у нас не было, и я исполняла обязанности заведующего, ничего изменить не могла. А делать что-то надо. Больница перестает работать полноценно. А возможности есть, не сомневайтесь. Вот они сегодня говорили, что не хватит белья

для работы с полной загрузкой. А вы проверьте, сколько всего хранится на складе у Петра Нестеровича. На меня, Михаил Михайлович, по-любому можете рассчитывать. Я за перестройку работы больницы, и во всём вас поддержу. Не сомневайтесь!

На следующий день я спросил у Петра Нестеровича, действительно ли у нас не хватит постельного белья для работы стационара с полной загрузкой.

– Михаил Михайлович, передо мной не стояла задача обеспечить бельём работу больницы в таком режиме. Если скажете, что надо – все выполню. А о том, что надо бы заменить нашу ветеранку Зорьку на молодую тёлку, моя Лукерья правильно сказала.

Ответ Петра Нестеровича и заверения Александры Георгиевны о поддержке идеи перехода работы больницы в режим профилактория ободрили меня.

Я уже упомянул, что решил начать с широкого внедрения в работу будущего профилактория метода лечения новокаиновыми блокадами по академику А. В. Вишневскому. Сказано – сделано, теперь нужно запастись медикаментами.

С Александрой Георгиевной мы составили заявку в аптеку Кадуёвской больницы. Под мою диктовку она записала:

– Десять флаконов 0,25% раствора новокаина по 1000 миллилитров.

И сразу недоуменно спросила:

– А зачем нам так много новокаина?

Я объяснил, что по методике Вишневского больному вводится большое количество раствора новокаина низкой концентрации.

– Тогда давайте напишем сразу 20 или 25 флаконов. Всё равно дадут меньше половины того, о чем мы просим.

Заказ на 20-граммовые шприцы она также увеличила в три раза. А вот моё предложение включить в заявку

10 коробок раствора хлористого кальция в ампулах встретило тревожное возражение с её стороны:

– Нам в училище говорили об осложнениях при использовании хлористого кальция. Да я их и сама видела. У нас в аптеке есть 8 или 9 ампул, хватит нам!

Я пообещал позже объяснить, зачем потребуется так много хлористого кальция, и настоял на включении его в заявку.

На следующее утро заявку в Кадуй отправили с мужем Александры Георгиевны, который ехал на центральную базу сельхозтехники за какой-то деталью для двигателя. Александра Георгиевна оказалась права: вернувшись поздно вечером того же дня, Николай Сергеевич привёз 12 флаконов 0,25% раствора новокаина, три шприца, десять коробок с ампулами раствора хлористого кальция и часть других заказанных нами лекарств. Имея в наличии такой лекарственный арсенал, уже можно было приступать к реализации моего плана.

Через день ко мне обратилась больная с просьбой выдать ей освобождение от работы в связи с сильными болями в области «холки». Обследовав её и обнаружив действительно выраженные признаки пояснично-крестцового радикулита, я сказал:

– Вам должна помочь блокада, которую можно провести, если вы ляжете на один-два дня в больницу.

Пациентка замахала руками:

– Ой, что вы, доктор. Не надо мне блокады. Я полежу пару деньков дома, попринимаю пиромидончика, попарюсь в баньке. Вот у меня всё и успокоится!

Я чувствовал себя паршиво, наблюдая в окно, как больная уходит, заметно прихрамывая. На следующий день похожая история повторилась. Ещё одну пациентку мне не удалось уговорить лечь в больницу для проведения новокаиновой блокады. Я поинтересовался

мнением Александры Георгиевны о причинах моей неудачи.

– Михаил Михайлович, да у нас бабы в Барановском только и обсуждают, что вы пугаете их блокадой, если они будут просить освобождение от работы. Для них само слово «блокада» связано с военным временем и воспоминаниями о страданиях жителей блокадного Ленинграда. Боятся они лечения блокадой, да ещё в больнице.

– Спасибо за подсказку, Александра Георгиевна! Буду говорить не «блокада», а «маленькая-маленькая операция без разреза». Договорились?

Похоже, я действительно напугал жителей Барановского лечением с помощью блокады. В течение двух недель обращений за освобождением от работы в связи с болями в «холке» не было. Наконец привезли на телеге пожилую женщину, которая не могла ходить из-за сильных болей в пояснично-крестцовом отделе. После обследования я предложил ей ту самую «маленькую-маленькую операцию без разреза», которая избавит её от боли.

– Доктор, дорогой, да хоть режь, только избавь меня от боли. Я больше терпеть не могу.

– А в больницу ляжете?

– А куда мне деваться? В могилу, что ли? Ляжу, ляжу!

Завершив приём амбулаторных больных, я перешел в госпитальный корпус больницы. Александра Георгиевна уже подготовила в перевязочной всё необходимое для «маленькой-маленькой операции». В ожидании моего прихода она беседовала с больной, успокаивая её и готовя к предстоящему лечению.

Через полчаса после введения парасакрально около ста миллилитров 0,25% раствора новокаина боли стихли, больная уснула.

Во время утреннего обхода она сообщила мне, что ночью спала хорошо. В покое боли ее уже не беспокоили, а сохранялись только при попытке встать с постели. Я предложил для ускорения лечения завтра повторить «маленькую операцию». А еще сделать «горячий укол». На что больная охотно согласилась. А вот Александра Георгиевна, наоборот, встревожилась, и тихо спросила меня:

– А не боитесь осложнений от введения хлористого кальция?

– Боюсь, – ответил я. – Так что постараюсь очень осторожно ввести его внутривенно, чтобы препарат не попал в мягкие ткани, окружающие вену, и не вызвал их некроза. А с вами поделюсь своим секретом. Я очень слабо затягиваю жгут на плече, чтобы не перекрыть приток артериальной крови к тканям руки ниже жгута. А еще стараюсь пальцем контролировать глубину расположения вены, ее подвижность и степень наполнения, даже глаза немного прикрываю, чтобы сконцентрироваться на тактильных ощущениях. Хлористый кальций ввожу очень медленно, и во время введения раствора постоянно спрашиваю больного, как он себя чувствует.

Все эти приемы я на следующий день продемонстрировал Александре Георгиевне, когда вводил больной внутривенно раствор хлористого кальция. Больная подтвердила, что почувствовала жар во всём теле. Я предупредил ее, что в следующий раз эту лечебную манипуляцию будет проводить Александра Георгиевна.

После повторной «маленькой-маленькой операции» и трёх «горячих уколов» больная сказала, что ей стало намного лучше, необходимости оставаться в больнице больше нет.

Вскоре представился другой случай продемонстрировать эффективность лечения «маленькими-маленькими операциями без разреза». Председатель кол-

хоза Илья Павлович страдал мочекаменной болезнью. Периодически у него развивались приступы колик. В таких случаях его на 10-12 дней госпитализировали в Вологодскую областную больницу, проводили консервативное лечение и предлагали провести операцию удаления камня из почки. Но на операцию он все никак не решался.

В этот раз приступ развился вечером накануне районной партконференции, на которой Илья Павлович должен был выступить с отчётом. Он обратился ко мне с просьбой дать ему обезболивающие препараты, которые помогли бы перетерпеть боль во время конференции.

Мне приходилось ещё в студенческие годы во время врачебной практики и после окончания института проводить паранефральную блокаду больным мочекаменной болезнью на фоне приступа колик. Во всех случаях я наблюдал быстрый обезболивающий эффект. Поэтому я предложил Илье Павловичу провести паранефральную блокаду.

– Эту вашу «маленькую операцию без разреза»? – спросил он. – А поможет? Хуже не станет?

– Должно помочь, – ответил я, стараясь говорить уверенно. – Хуже точно не будет.

– Ладно! Где наша не пропадала. Если хуже не будет, делайте.

Мы с Александрой Георгиевной провели паранефральную блокаду новокаином и предложили Илье Павловичу остаться на ночь в больнице. Но почувствовав ослабление болей вскоре после блокады, он решительно заявил, что в стационаре не останется, так как ему ещё нужно посидеть над своим докладом. Я понял, что переубедить его бесполезно.

– Ладно. Над докладом можете посидеть, но только лёжа в постели. Вот вам с собой пачка анальгина на всякий случай.

На следующий день поздно вечером Илья Павлович по дороге из Кадуя в Барановское заехал к нам в больницу. После «товарищеского ужина», завершившего конференцию, он был слегка навеселе. Поблагодарив меня за «операцию без разреза», он вернул мне пачку анальгина, сказав, что таблетки ему не потребовались. Потом доверительным тоном сообщил:

– Во время ужина я рассказал товарищам про то, как с помощью «операций без разреза» вы лечите боли в «холках» и в почках. Все смеялись, а секретарь райкома, прощаясь со мной, сказал:

– Ты, Палыч, своего доктора не отпускай. Сделай всё, чтобы он остался у нас. Это тебе партийное задание. Кстати, Михалыч, а когда у тебя командировка кончается?

– Срок указан в предписании из Вологодского облздравотдела. Бумага у вас в конторе, вместе с моим паспортом Я сюда направлен на летний период. А с 1 сентября у меня начинаются занятия в клинической ординатуре.

– Хорошо, посмотрю. А скажи-ка, ты как: женат или холост? В комсомоле состоишь?

– Я – холостой и комсомолец.

– Очень хорошо. Кстати, а кто там у вас в институте главный?

– Ректор нашего института – генерал медицинской службы Алексей Иванович Иванов. А что?

– Да так. Ещё раз спасибо, Михаил Михайлович, за лечение.

С этими словами Илья Павлович вышел, слегка покачиваясь, на улицу, где его ждал директорский ГАЗик.

После описанных событий число обращений в больницу за лечением болей в «холке» с помощью «маленьких-маленьких операций» начало стремительно расти. Появились пациенты, желающие лечиться «опе-

рациями без разреза» и по поводу болей в области суставов.

Возможность госпитализировать больного позволяла нам осуществлять персонализированный подход к планированию и проведению лечения. Обсуждать с пациентами план их лечения мне помогала Александра Георгиевна, хорошо знавшая жителей Барановского и близлежащих поселений.

Идет амбулаторный прием. Я провожу осмотр, пальпацию, перкуссию, аускультацию, оценивая локализацию и выраженность патологического процесса, формулирую диагноз. После этого в присутствии пациента спрашиваю Александру Георгиевну:

– Ну что, коллега, как ваше мнение? Назначим обезболивающие лекарства и растирания? Или предложим «маленькую операцию без разреза»?

– Конечно, нужна операция, – поддерживает меня Александра Георгиевна.

– А после операции сразу домой отпустим? – снова обращаюсь я с вопросом к Александре Георгиевне.

– Михаил Михайлович, у Оли (или у Веры, у Нади и т.д.) работа тяжёлая. Она целый день мешки тяжёлые таскает. И в доме – все на ней. Муж – не ахти какой помощник (обычно этой формулировкой Александра Георгиевна деликатно дает понять, что муж у Оли – пьющий). Прилечь ей некогда!

– Некогда, некогда, – тихо поддакивает Оля.

– Доктор, может в больницу ее на денёк-другой положим?

Я, как бы раздумывая, соглашаюсь и продолжаю:

– Говорите, весь дом на ней? Может, и нервы ей немного подлечить?

– А что, если назначить ей несколько «горячих уколов»?

– Хорошо. Запишите наши назначения в журнал.

Больные соглашались с предложенным планом лечения, благодарили и меня, и Александру Георгиевну.

Вскоре потребность в больничных койках возросла, так как появилась ещё одна группа больных, нуждавшаяся, по моему мнению, в наблюдении за ними в условиях стационара. Это были пациенты с множественным поражением зубов кариесом, проживавшие в 25-30 километрах от Барановского или даже в соседних районах Вологодской области. Узнав, что в Барановской больнице появился зубной врач, они приезжали часто целыми семьями на телегах, запряжённых лошадьми. У одних причиной обращения была острая зубная боль, у других – необходимость подготовки к зубопротезированию. Они рассказывали, что в районных стоматологических центрах в Кадуе, Бабаево, Череповце их готовы были ставить в очередь на протезирование только после завершения санации полости рта. Но на их врачебных участках для санации обращаться было не к кому. Я объяснял, что я – не зубной врач, у меня нет бормашины. Зубы я могу только удалять. Тогда мои визитеры начинали уговаривать меня удалить им сразу все разрушенные зубы. При этом зубы у многих были необычайно хрупкие. При наложении и фиксации щипцов коронковые части зубов буквально рассыпались на мелкие осколки. Со временем я узнал причину такой клинической особенности. Оказалось, что среди населения отдалённых районов Вологодской области большой популярностью пользовался «народный» способ лечения зубной боли – закладывание в кариозную полость ватного шарика, смоченного «царской водкой».

Одновременное удаление нескольких зубов с разрушенной коронковой частью – травматичное оперативное вмешательство. Высока вероятность возникновения послеоперационного кровотечения. Поэтому, если дорога домой была дальней и сложной, я таких

больных госпитализировал, а утром выписывал из стационара больницы.

Больных становилось все больше. Появилась очередь на госпитализацию. Стационар работал в напряженном ритме. Возросла нагрузка на хозяйственную часть больницы. Сочувствуя завхозу, я говорил:

– Ох, Петр Нестерович, тяжело вам приходится.

– Михаил Михайлович, – отвечал он, – я же говорил. Ставьте передо мной задачу, и я её выполню.

ОДИННАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД

ВНЕДРЕНИЕ ПЕРЕДОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Сразу хочу уточнить: говоря о «передовых» технологиях, я описываю те инновационные методы лечения, которые разрабатывались и исследовались в середине XX века, и с которыми я знакомился в Первом ЛМИ. Что-то из того, о чем пойдет речь, сегодня покажется архаичным, даже недопустимым с позиций доказательной медицины. Но таков и весь путь развития медицинской науки, путь проб и ошибок. Во всяком случае, всё, о чём я вспоминаю, было на самом деле.

70 лет тому назад передовой технологией считалось внутривенное введение 10% раствора хлористого кальция с целью активизации симпатического отдела вегетативной нервной системы. В эффективности применения внутривенных введений этого препарата у пациентов с психосоматической патологией я имел возможность убедиться, когда после четвертого курса мединститута проходил врачебную практику в Гусевской районной больнице Калининградской области. На протяжении

всех шести недель практики первую половину дня я работал на хирургическом отделении, а практику по терапии, акушерству и гинекологии проходил во второй половине дня и на ночных дежурствах. В терапевтическом отделении больницы мне поручили курировать восьмиместную палату. Все пациентки, занимавшие эту палату, предъявляли многочисленные жалобы самого разнообразного характера. Сейчас, спустя долгие годы и на основе приобретенного клинического опыта, я бы охарактеризовал контингент данной палаты как больных с психосоматической патологией. Каждое утро ровно в 8:30 я заходил в палату к «моим дамам». Спрашивал их, как прошла ночь, как они себя чувствуют, появились ли у них новые жалобы. Выслушав, заверял, что вернусь после того, как закончу операции и перевязки больных в хирургическом отделении. Одной из пациенток, находящейся в тревожно-депрессивном состоянии, заведующая отделением назначила внутривенные инъекции раствора хлористого кальция. После удачной процедуры введения препарата самочувствие больной обычно улучшалось. Но поскольку у пациентки были «плохие вены», неопытной процедурной медсестре не всегда удавалось выполнить назначение врача. В таком случае пациентка немедленно начинала жаловаться на ухудшение своего состояния. Одно из этих «ухудшений» пришлось на воскресенье, когда у процедурной сестры был выходной. Я спросил разрешения у врача, дежурившего по больнице, можно ли мне самостоятельно провести пациентке внутривенную инъекцию. Объяснил, что научился технике внутривенных инъекций у опытной процедурной медсестры во время сестринской практики в клинике внутренних болезней нашего института. Получив одобрение, провел процедуру. Инъекция прошла успешно. Больная рассказала об этом эпизоде своим соседкам. На следующий день во время утреннего обхода половина пациенток палаты обрати-

лась к заведующей отделением с просьбой назначить им «горячие уколы» при условии, чтобы их делал молодой врач-хирург Михаил Михайлович. До конца цикла врачебной практики по терапии я регулярно выполнял процедуры по внутривенному введению раствора хлористого кальция и постоянно слышал восторженные отзывы пациенток об эффективности «горячих уколов».

И теперь, оказавшись в сельской больнице, где имелись ограниченные возможности использования лекарственных препаратов, а физиотерапии не было вовсе, я вспомнил восторги моих пациенток по поводу «горячих уколов», и стал назначать внутривенные инъекции раствора хлористого кальция больным с проявлениями психосоматической патологии. Секрету успешной техники выполнения внутривенных инъекций я обучил Александру Георгиевну. Она с удовольствием рассказывала мне о положительной оценке больными эффективности назначенного им лечения.

В первый год клинической ординатуры я помогал врачу Елене Григорьевне Криволицкой, которой было поручено в рамках выполнения кандидатского диссертационного исследования изучить применение метода «пчелоужаливания» при лечении больных с невралгией тройничного нерва. Данную методику лечения невралгии тройничного нерва я применил в Барановской амбулатории у двух больных. У первого больного с невралгией третьей ветви тройничного нерва после трёх пчелоужаливаний боли практически прекратились. У второго больного, мужчины с невралгией второй ветви тройничного нерва, во время повторного сеанса пчелоужаливания возникла непредвиденная ситуация. Пчела, поднесённая мною к триггерной зоне в области слизистой оболочки альвеолярного отростка верхней челюсти, неожиданно вырвалась и ужалила больного в кожу подглазничной области. Для предупреждения развития

отёка тканей щеки больному внутривенно было введено 5 мл 10% раствора хлористого кальция. Местно – гипотермия (лёд в резиновой перчатке). Поскольку пациент приехал из отдалённого посёлка (более 20 километров от нашей больницы), я предложил ему госпитализацию, но он отказался и отправился домой на велосипеде. На повторный осмотр и для продолжения лечения он не приехал ни на следующий день, ни позже.

Через пару месяцев мы узнали от его односельчанина, что наш пациент на обратном пути домой упал с велосипеда и сломал себе руку. Недавно ему сняли гипс. Он ходит на работу. Невралгия его больше не беспокоит, на боли он не жалуется. Охотно рассказывает всем, как его успешно лечили передовым медицинским методом. Насколько стойким оказался результат лечения данного больного, мне неизвестно. Признаюсь, что пчелоужаливанием как методом лечения я больше никогда не пользовался.

Были у меня и другие затруднения при попытках практического применения некоторых методов лечения, с которыми я познакомился во время обучения в институте. На кафедре госпитальной терапии нашим преподавателем был кандидат медицинских наук Павел Игнатьевич Буль. Книга Буля «Гипноз в клинике внутренних болезней» была опубликована в популярной в те годы серии «Библиотека практического врача». На занятиях Буль знакомил нас с методами воздействия на кожный анализатор, зрительный и слуховой аппарат, а также с техникой лечебного внушения для устранения фобий.

Об этом я вспомнил, когда в клинику обратился молодой парень с жалобой на то, что по спине у него постоянно ползают какие-то насекомые. Всё началось три месяца назад после ночи, проведенной в поезде со случайной попутчицей. Подозревая, что «ночная фея» одарила его на память об их мимолетной встрече не-

безызвестным паразитарным заболеванием, он постоянно жаловался на ночной зуд в области спины. Просыпался по несколько раз за ночь. Просил родных посмотреть, кто там ползает у него по спине. Сам пытался с помощью зеркала осматривать спину. При этом ни сам он, ни его близкие никаких признаков заражения вшами не смогли обнаружить.

Я вспомнил рассказы Павла Игнатьевича Буля о том, что во время Великой Отечественной войны, когда завшивленность населения была очень высокой, он нередко наблюдал у вполне здоровых людей подобную форму фобии. По его словам, избавить пациентов от навязчивого страха педикулеза удавалось гипнотическим внушением, сопровождавшимся заверением врача о том, что ему удалось смахнуть с пациента всех паразитов.

Я попросил пациента полностью раздеться и тщательно осмотрел кожные покровы, особенно в зонах роста волос. Ни вшей, ни гнид, ни других паразитов я нигде не обнаружил. Пока пациент одевался, мне пришла в голову мысль поступить так, как рассказывал доктор Буль: используя метод лечебного гипнотического внушения, убедить пациента в том, что мне удалось смахнуть с него всех паразитов.

Я попросил пациента встать передо мной в полный рост, неотрывно смотреть мне в глаза, внимательно слушать меня и сообщать мне о своих ощущениях. Затем я расположил свои ладони по бокам от его головы. Слегка касаясь висков, ушей и скуловой области, спросил пациента, чувствует ли он прикосновение и тепло моих ладоней. Он ответил:

– Да, конечно, чувствую.

– Если вы ощущаете тепло моих ладоней, следите за их перемещением и следуйте за ними. Сейчас я потихоньку будут передвигать ладони на себя, а вы следуйте за ними, и продолжайте смотреть мне в глаза и слушать меня.

Если его голова последует за моими ладонями, думаю, это будет означать, что я ввёл его в гипнотическое состояние. Вот тут-то я произнесу уверенным голосом:

– Я сбрасываю с вашего тела всех паразитов и избавляю вас от них. Мои руки медленно скользят от макушки вниз, вдоль шеи, спины, груди и рук, сбрасывая паразитов.

Но не успел я произнести эту заготовленную фразу, как услышал возглас пациента:

– Доктор! Доктор! Что с вами?

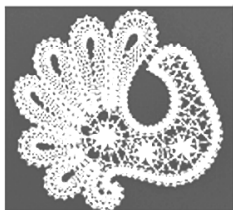
Пациент схватил меня за плечи и, продолжая восклицать: «Доктор, что с вами?», старался удержать в вертикальном положении.

От его голоса я очнулся и пришёл в себя. Похоже, я опередил пациента в достижении гипнотического состояния и вместе с перемещением своих ладоней качнулся кзади. Спасибо пациенту, который быстро отреагировал и, схватив меня за плечи, удержал от падения.

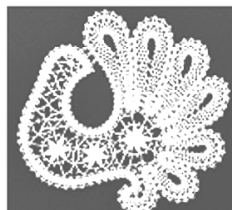
– Ничего страшного – сказал я. – Просто я пришел к заключению, что вам лучше обратиться за консультацией в вологодский кожно-венерологический диспансер. Сейчас я выпишу направление на консультацию.

А сам подумал: «В случае чего в Вологде найдется не только дерматовенеролог, но и психоневролог».

После этого случая я подумал, что гипнотическое внушение – это не мой профиль, и принял решение больше не заниматься борьбой с фобиями, используя данную методику.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД

ЗЕМСКИЙ МИКРОСКОП

Возможности подтверждать свои врачебные заключения данными клинической лабораторной диагностики у меня не было. Ни клинической лабораторией, ни лаборантами Барановская больница не располагала.

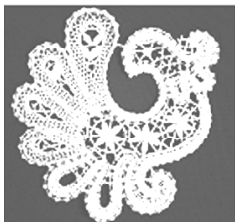
Вспоминая приведенное Булгаковым в «Записках юного врача» описание профессиональной деятельности доктора Леопольда Леопольдовича и думая о работе моих неведомых мне предшественников, трудившихся в Барановской земской больнице с момента ее открытия, я часто задавался вопросом: «Ну чем я хуже их?»

Цейсовский микроскоп, обнаруженный на чердаке амбулатории, не давал мне покоя!

Я решил, используя свою находку, начать самостоятельно выполнять анализы периферической крови. По крайней мере я был в состоянии определять клеточный состав крови по мазку и измерять скорость оседания эритроцитов по Панченкову. В институте нас этому

учили. На чердаке в той же куче медоборудования, что и микроскоп, обнаружались капилляры для определения СОЭ. А вот камеру Горяева для подсчёта клеточных элементов крови мне найти не удалось.

Микроскоп я поставил на стол, за которым вел приём амбулаторных больных, чтобы все пациенты видели: доктор пользуется серьезным медицинским оборудованием. Камеру Горяева мы включили в очередную аптечную заявку больницы. К сожалению, выполнения этой заявки, ни на камеру Горяева, ни на другое лабораторное оборудование, я не успел дожидаться. Тем не менее, я обучил Александру Георгиевну методике подготовки мазка крови и методике определения СОЭ. По мере необходимости мы проводили эти исследования нашим больным.

ТРИНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД

ОТ ВСЕГО СЕРДЦА

Официально мой рабочий день начинался с девяти часов утра в стационаре больницы. После обхода с осмотром стационарных больных я переходил к амбулаторному приему. Со временем, по мере того, как число госпитализированных больных возрастало, начало рабочего дня незаметно сместилось на восемь утра.

Пошли дожди. Однажды на амбулаторный приём обратилась пожилая женщина с внуком, который, играя с пуговицей, ухитрился засунуть ее себе в ухо, где она и застряла. В тот день моросило с самого утра. Войдя в помещение амбулатории, женщина сняла с себя и внука мокрую верхнюю одежду и обувь, сложив все в углу при входе прямо на пол вместе с небольшой корзинкой. Подвела ребенка к моему столу.

На четвёртом курсе мединститута я занимался в студенческом научном обществе на кафедре ЛОР болезней. В институтской поликлинике мое «рабочее место» было определено на дежурном приеме у ЛОР-

врача-наставника. Так что кое-какой опыт оказания неотложной помощи, в том числе по удалению инородных тел из наружного слухового прохода, у меня имелся.

Я приступил к извлечению пуговицы. Александра Георгиевна мне ассистировала. Когда мы избавили нашего маленького пациента от его коварной игрушки, и бабушка, одевшись и благодаря меня, уже покидала кабинет, я заметил в углу оставленную корзинку.

– Подождите, вы забыли свои вещи, – громко окликнул я женщину.

Она обернулась и тихо сказала:

– Простите, доктор, это же мы вам от всего сердца. Не хотели вас обидеть. Уж простите, больше-то мы не можем. Но это – от всего сердца!

Она все пятилась к выходу, повторяя:

– Спасибо вам за внука.

По лицу её катились слёзы, которые она утирала уголком головного платка.

Я растерялся. Я же обязан сделать ей строгое внушение, сказать, чтобы она забрала свою корзинку и больше никогда так не поступала, не предлагала врачу взятку. Вспомнил недавний случай из своей практики и мамину реакцию на подарки врачу.

Дело было так. Как врача-ординатора, меня назначили дежурить по клинике челюстно-лицевой хирургии в новогоднюю ночь. В три часа ночи меня разбудила дежурная медсестра. У больного, оперированного два дня тому назад по поводу гайморита, началось сильное носовое кровотечение. Я произвёл переднюю тампонаду полости носа – кровотечение изо рта продолжалось. Я произвёл заднюю тампонаду – не помогло. Позвонил на домашний телефон заведующему кафедрой профессору Андрею Александровичу Кьяндскому, потом профессору Лазарю Рувимовичу Балону. На мои звонки никто не ответил. Кровотечение у больного продол-

жалось. Тогда я принял решение перевязать наружную сонную артерию на стороне кровотечения. Технику этой операции мы осваивали на кафедре оперативной хирургии. У меня был и клинический опыт ее выполнения. Мой наставник Лидия Михайловна Клячкина, в то время главный стоматолог и челюстно-лицевой хирург Ленинградской области, доверила мне провести под своим руководством перевязку наружной сонной артерии по поводу кровотечения у больного с распадающейся опухолью языка.

После проведения вмешательства по перевязке наружной сонной артерии кровотечение у больного прекратилось. Через неделю его выписали из клиники. В конце января, накануне праздника полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады, пациент пришёл в клинику поблагодарить меня как своего лечащего врача и поздравить с праздником как жителя блокадного Ленинграда. Оказалось, что он работает в аппарате Ленинградского горкома партии. Вместе с поздравлениями он вручил мне фирменную коробку из закрытого распределителя с подарочным набором: бутылка «Северной», наливки и бутылка водки «Столичная». Вернувшись домой, я с гордостью рассказал маме о визите бывшего пациента.

Мама в испуге воскликнула:

– Миша, как ты мог это взять? Это же взятка! Тебя за это посадят.

Она выхватила у меня коробку из рук.

– Никому ни слова об этом не говори.

Через тридцать два года, когда мамы не стало, мы нашли в её вещах спрятанную подарочную коробку с Северной наливкой и Столичной водкой.

Когда за женщиной с внуком закрылась дверь, в кабинете повисла тягостная пауза. Потом помогавшая мне Александра Георгиевна сказала:

– Михаил Михайлович, зачем вы с ней так? Ведь она же от чистого сердца, из уважения к вам...

Я растерялся:

– Зачем же она позорит меня при всех, взятку суёт?

– Да чтобы вы, какая же это взятка!

Александра Георгиевна подняла с пола корзинку-лукошко. На дне в соломе лежало пять куриных яиц.

– Яйца еще тепленькие, из-под курочки. Это же от всего сердца.

Взяв корзинку с яйцами, она вышла, закрыв за собой дверь. Не знаю, о чём они говорили с нашей посетительницей. Но когда Александра Георгиевна вернулась в кабинет, вслед за ней в приоткрытую дверь, кивая головой, заглянула наша посетительница, и я услышал:

– Спасибо, доктор. До свидания, доктор. Простите нас, доктор. Мы от чистого сердца.

Когда после окончания амбулаторного приёма я пришёл домой обедать, корзинка с куриными яйцами стояла на столе в моей комнате.

– Ну, ладно, раз уж так получилось, пусть это будет мой вклад в продовольственную корзину нашего дома.

Похоже, этот случай стал известен жителям Барановского. По крайней мере, парторгу Барановского колхоза Ивану Михайловичу.

В один из первых дней после моего прибытия в больницу Иван Михайлович приехал познакомиться со мной, узнать, как я устроился, в чём мне нужна помощь. Поинтересовался, что я думаю о природе их уголка Вологодской области. Я ответил:

- Природа прекрасная. Я уже съездил на велосипеде на речку. Мечтаю порыбачить.

Спустя несколько дней после случая со «взяткой» мы встретились с Иваном Михайловичем на крыльце сельсовета, куда я пришел, чтобы позвонить в Ленинград. Иван Михайлович поинтересовался моими рыбацкими успехами. Я ответил, что пытался рыбачить, но с клёвом мне не везет.

– Да уж, надо знать, где рыба клюёт. Я вам покажу такое место, такую заводь, откуда мы с пустыми руками

не уйдём. Давайте в следующую субботу порыбачим вечером. Я за вами заеду. Договорились?

– Договорились, – согласился я.

На следующей неделе вечером мы сидели с Иваном Михайловичем на берегу заводи реки Неги с удочками в руках. Смотрели на отражение заходящего солнца на водной глади, на неподвижные, будто уснувшие поплавки наших удочек. Клёва не было. Иван Михайлович был явно сконфужен.

– Не пойму, что произошло. Ведь мальчишкой я вылавливал в этой заводи по полведра окуней, плотвы, ершей и даже щук. Правда, надо признаться, я здесь давненько рыбу не ловил. Как выбрали меня секретарём комсомольской организации колхоза, а потом секретарём парткома, свободного времени не было.

Я попытался изменить тему нашего разговора. Перевести её на обсуждение проблем больницы. Начал с того, что похвалил завхоза Петра Нестеровича за активное участие во внедрении «режима профилактория» в работу больницы. Затем сказал, что был впечатлен обширным клиническим опытом и профессиональными знаниями фельдшера Александры Георгиевны.

– Да, Шура у нас не только эрудированный фельдшер, но и прекрасный, надёжный человек. С такими, как она, можно в разведку ходить. Не подведёт. Мы с Шуркой вместе в школе учились. Она у нас отличницей была. Нравилась мне. Я же, как секретарь комсомольской организации, ей после окончания школы характеристику-рекомендацию написал для поступления в фельдшерское училище. Ждал, мечтал, что она вернётся в Барановское. А она во время учёбы в Вологде познакомилась с Николаем. В Барановское вернулась с женихом-механизатором. Тут и свадьбу сыграли. Николай – мужик дельный, непьющий, с золотыми руками и толковой головой. Да и меня жизнь не обидела с моей Нюшей. Живём с ней душа в душу.

Между прочим, знаете, доктор, Шура хорошо о вас отзывается. Вот только огорчилась, что вы отчитали пациентку за пяток яиц, которым она хотела отблагодарить вас за помощь.

– Взятки не беру!

Я рассказал Ивану Михайловичу историю о том, как меня отчитала мама за подарок от больного.

– Конечно, взятки – это плохо, недопустимо. Но мне кажется, тётка Степанида вам в корзинке не взятку принесла... Вы знаете, у нас, у деревенских, к своим местным врачам отношение особое. Слышали, наверняка, о том, как развивалась медицина на селе после отмены крепостного права, с появлением местного земского самоуправления? Открылось множество маленьких земских больниц! Эти больницы содержались за счет бюджетов земских управ. Земства приглашали на работу врачей, которым предоставляли жильё на территории или вблизи больницы. Труд их, правда, оплачивался достаточно скромно. Вот народ, видя нелёгкую жизнь сельских врачей и скромный уровень существования, стихийно старался помочь. А чем люди могли помочь? Тем, что своим трудом производили в своём хозяйстве, собирали в лесу, ловили в реке. В основном это были продукты, которыми они «от всего сердца» делились со своими «народными» врачами.

Вот и вы, Михаил Михайлович, приехав к нам, стали «народным» врачом. Мы же знаем, что обед у вас скромный: щи да картошка с прошлогодней солониной. Так что, если кто из людей, зная это и уважая вас, захочет поделиться с вами продуктовыми запасами – так это от всего сердца. Как говорится, чем богаты, тем и рады.

Солнце село, клёва не было. Мы отправились по домам. Я – в больницу, Иван Михайлович – в Барановское к своей Нюше.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД

ПО ГРИБЫ

Любовью к сбору грибов и других даров леса меня «заразил» брат моей мамы – дядя Саша. Он преподавал токарное дело в профтехучилище. Поэтому двухмесячный отпуск у него всегда приходился на разгар грибного сезона. – июль-август. На все отпускные летние месяцы он снимал для своей семьи дом в Ленинградской области, выбирая те районы, что славились обилием грибов. Моя мама, у которой отпуск длился всего две недели, охотно отправляла меня с дядей Сашей «по грибы».

Когда в Вологодском облздравотделе я услышал, что мне предстоит двухмесячная работа в Барановской больнице Кадуйского района, то подумал:

– Вот здорово! В свободное от работы время буду ловить рыбу и ходить по грибы.

От дяди Саши я слышал, что те места Вологодской области славятся обилием грибов.

В один из первых дней после приезда в Барановскую больницу я провёл разведку – проехал на велосипеде

по лесным дорогам и тропинкам недалеко от больницы. Грибной сезон по-настоящему ещё не наступил. Мне попадались все больше сыроежки и горькушки, ну, еще парочка подберёзовиков... Да и закончилась эта «грибная охота» скомканно – срочным вызовом в больницу к пациенту.

Следующий серьезный выезд в лес «по грибы» состоялся спустя пару недель. За это время грибы пошли! По обочинам тропинок часто встречались подберёзовики и подосиновики. Боясь заблудиться и всё время прислушиваясь, не раздастся ли призывный возглас «Доктор, доктор Михаил Михайлович», я срывал грибы, не слезая с велосипеда, а просто наклоняя его на бок, и, не глядя, бросал их в корзинку, привязанную к багажнику. Довольно быстро корзина наполнилась доверху.

Около дома меня уже поджидали сыновья Александры Георгиевны. На вопрос, набрал ли я грибов, гордо отвязал и поставил на стол корзину.

– Смотрите! Полная корзина красавцев. Вы понимаете толк в грибах? Давайте-ка, быстренько их разберите, чтобы не попался какой-нибудь червивый. А я попрошу вашу маму приготовить жаркое из этих грибов. Любите жареные грибы?

– Да! Любим, – дружно ответили ребята.

– Тогда приступайте. Хорошие будете складывать сюда, в этот таз. А я пойду осматривать больных.

За обедом, за которым собралась вся семья Александры Георгиевны, я похвастался удачным походом «по грибы» и попросил приготовить из моего улова жаркое.

– А где грибы-то? – спросила Александра Георгиевна

– Сейчас принесём, – ответили хором ребята. Вернулись они с небольшой тарелкой, в которой лежало несколько разрезанных шляпок подосиновиков.

– Разве это грибы? Чего тут жарить? – удивлённо произнёс Николай Сергеевич.

Я тоже был удивлён:

– Ребята, а куда остальные грибы делись?

– Дядь Миш, да остальные грибы были червивые или поганки, которые есть нельзя.

Видя мое смущение и огорчение, Николай Сергеевич сказал:

– Всякое бывает. Не расстраивайтесь, Михаил Михайлович. Через недельку съездим с вами на мотоцикле на Кириллову заимку. Там белых грибов наберём полную коляску.

Старший сын Николая Сергеевича возбужденно перебил отца:

– Пап, а меня на Кириллову заимку возьмёшь? Ты же обещал!

– Возьму, возьму, сынок!

В последнее воскресенье августа Николай Сергеевич выполнил своё обещание отправиться со мной и сыном по грибы. В семь часов утра мы, взяв два огромных берестяных короба и обед «сухим пайком», оседлали мотоцикл Николая Сергеевича. Я собирался сесть на заднее сидение позади водителя. Но Николай Сергеевич настоял, чтобы я занял место в коляске мотоцикла – так почетнее. Я забрался в коляску. За спину мне установили огромный берестяной короб, закрепив его брезентовыми ремнями-лямками, как крепят парашют у лётчиков. Мальчик устроился на заднем сиденьи мотоцикла позади отца. За спиной у него был закреплен другой берестяной короб.

Мотоцикл взревел, и мы поехали «по грибы». Но не проехали и километра, как пришлось остановиться. Дорогу нам преградило стадо колхозных коров, медленно двигавшееся навстречу. Николай Сергеевич, не выключая двигатель, сказал:

– Подождём немного. Пропустим стадо и поедem дальше.

Стадо потихоньку начало обтекать наш мотоцикл справа и слева. Вдруг из-за поворота лесной дороги

показалось огромное красно-бурое тело чудовища с большими загнутыми вверх рогами. Это была гордость Барановского колхоза, племенной бык-производитель Васька. Тот самый Васька, который завалил тётку Дусю в день моего прибытия в Барановское.

Николай Сергеевич начал нас успокаивать. Дескать, Васька только баб не любит, мужиков не тронет, бояться нам нечего. Но тут Васька посмотрел выпученными, налитыми кровью глазами на тарахтящий мотоцикл и медленно пошел прямо на нас.

– Бежим! – крикнул Николай Сергеевич. Они с сыном соскочили с мотоцикла, перепрыгнули придорожную канаву и, как акробаты, вскарабкались вверх по сучковатым стволам молодых сосен. Я хотел последовать их примеру и попытался выпрыгнуть из коляски мотоцикла. Но мне этот акробатический трюк не удался. Мешал огромный берестяной короб на спине. Тогда я попытался проделать маневр из кинофильмов, где лётчики покидают подбитый истребитель, вываливаясь из кабины боком на крыло самолёта. Приём удался. Я распластался на земле, сверху меня прикрывал берестяной короб. А Васька приближался. Сидящие на соснах Николай Сергеевич с сыном кричали мне:

– Не двигайтесь, Михаил Михайлович, лежачего он бодать не будет. Не двигайтесь.

Окончательно запутавшись в ляшках короба, не в силах вскочить и убежать, я ждал, когда Васька подойдёт ко мне и начнёт бодать, как тётку Дусю. Но Васька, услышав крики со стороны соснового леса, вдруг остановился, поверочал головой, а потом пошел туда, откуда доносились голоса.

Воспользовавшись минутной передышкой, я наконец освободился от брезентовых лямок короба, как это делали в кинофильмах лётчики, освобождаясь от парашюта, и стрелой помчался к одиноко стоящей сосне. Как я вскарабкался по нижней гладкой части ствола –

до сих пор не понимаю. Достигнув первой толстой ветви, я уселся на нее и осмотрелся. Оказывается, пока я карабкался на свою сосну, Васька подошёл к соснам, на которых сидели мои спутники, и стал чесаться о них своим огромным телом. Сосны гнулись, ходили ходуном. Казалось, вот-вот они переломятся или будут вывернуты из земли с корнем. Люди, прижавшись к стволам сосен, были безмолвны.

Пытаясь ободрить Николая Сергеевича, я крикнул:

– Не бойтесь, не бойтесь. Крепче держитесь за ветви.

Он не сможет повалить дерево.

Услышав крики, Васька оставил в покое моих товарищей, поменял дислокацию и начал чесаться о ствол той одинокой сосны, на которой спасался я. Прижавшись к стволу, я сидел молча, затаив дыхание. Теперь уже Николай Сергеевич с сыном подбадривали меня советами крепче держаться за ствол и не спускаться на землю. Васька, упорно идя на звук, вернулся к их соснам и снова начал раскачивать стволы деревьев. Мои спутники замолчали, а я вновь подал голос. Васька опять вернулся к моей сосне. Так повторялось несколько раз. Я уже решил, что этому не будет конца, и Васька добьётся своего.

Но помощь пришла неожиданно, откуда мы её не ждали. От стада коров отделилась тёлочка, подошла к Ваське, что-то пошептала ему на ухо, махнула хвостиком и пошла в сторону от стада. Васька немедленно забыл о нас и последовал за телкой.

Когда они скрылись в сосняке, мы спустились на землю, подобрали наши берестяные короба, валявшиеся около мотоцикла, и продолжили свой путь к Кирилловой заимке. Домой вернулись вечером с коробами, полными белых грибов.

О своих впечатлениях об этой поездке я с восторгом рассказывал сотрудникам больницы, не забывая похвалить кулинарные способности Александры Георгиевны, нажарившей нам целую сковороду грибного жаркого.

Молва об этой жарехе, похоже, быстро распространилась в деревне.

И, как я предполагаю, послужила причиной того, что на крыльце Дома врача, в котором я жил, стала периодически появляться сковорода с горячим грибным жарким, завёрнутая в ватник. В таких случаях ребята Александры Георгиевны стучали в окно амбулатории, где я вёл приём, и сообщали, что на крыльце опять появился таинственный сверток. С нетерпением поджидали они окончания приема больных, после чего шли вместе со мной смотреть, что там такое появилось на крыльце. Обнаружив сковороду с грибным жарким, я говорил ребятам:

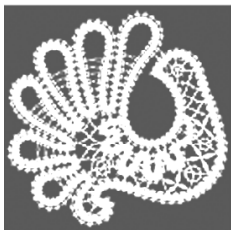
– Грибов тут так много, что мне одному с ними не справиться. Поможете?

– Поможем, поможем, дядь Миш.

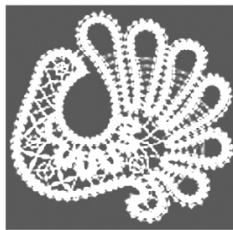
И с удовольствием расправлялись с жарким. После этого ребята добросовестно мыли сковороду, заворачивали её в ватник и клали свёрток на прежнее место. На следующий день сверток исчезал бесследно, а через пару дней появлялся вновь с новой порцией жаркого. Со временем ассортимент грибной сковороды менялся: лисички – подберёзовики – подосиновики – белые – рыжики. Позже рядом со свертком начали появляться стеклянные банки с маринованными и солёными грибами.

В сентябре на сковороде стала обнаруживаться жареная рыба: плотва, окунь, щука, судак. Помимо даров леса и реки, на крыльце моего докторского дома появлялись куриные яички, свежие и маринованные огурчики, баночки со сметаной и даже с топлёным молоком. Похоже было, что деревня всерьёз взялась подкармливать своего доктора.

Я продолжал переживать по поводу взяток, но успокаивал себя тем, что все это делалось «от чистого сердца». Я даже не знал, кого отчитывать и кого благодарить за эти анонимные подарки. Во всяком случае, ребята Александры Георгиевны были сыты.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД

ПЛАТА ЗА СТРАХ

Давным-давно миновали те первые дни после моего приезда в Барановское, когда я дожидался появления пациентов. Теперь у меня ненормированный рабочий день. Я живу в постоянном страхе. Ночью я просыпаюсь от скрипа телег, ржания лошадей, лая собак с мыслью, что это везут больного. Отправляясь на речку ловить рыбу, я не столько слежу за поплавком, сколько прислушиваюсь, не донесется ли возглас:

– Доктор! Доктор, Михаил Михайлович!

То же самое происходит, когда я отправляюсь на велосипеде в лес по грибы: я стараюсь не отъезжать далеко, чтобы не пропустить зов сотрудников больницы или тех, кто сопровождает больного:

– Доктор! Доктор, Михаил Михайлович!

Я получил в институте достаточно хорошую подготовку по диагностике и оказанию неотложной помощи больным хирургического профиля. Принимая больных этой группы, я не испытываю особого страха, чувствую

себя способным оказать необходимую помощь. Страх я испытываю в ожидании других категорий пациентов. Самое страшное – беременные женщины и дети грудного возраста.

Вообще-то, у меня были прекрасные учителя по этим разделам медицины. Доцент Ираида Ивановна Семёнова, ставшая впоследствии профессором кафедры акушерства и гинекологии. Доцент Клара Михайловна Сергеева, впоследствии возглавившая кафедру детских болезней Первого Ленинградского мединститута. Лидия Михайловна Клячкина, замечательный детский хирург, главный специалист по детской стоматологии и челюстно-лицевой хирургии Ленинградской области, в дальнейшем возглавившая курс детской стоматологии и долгие годы работавшая вместе со мной на кафедре стоматологии детского возраста в Первом ЛМИ.

И все-таки мне страшно. Мой страх перед ответственностью за лечение детей грудного возраста, особенно страдающих диспепсией, появился в годы студенческой практики. Студентом шестого курса во время производственной практики на скорой помощи я приехал по вызову на случай диспепсии у девочки двухмесячного возраста из социально неблагополучной семьи. Дело происходило в Кировске-на-Неве Мгинского района Ленинградской области. По информации на вызов у больной была рвота, диарея, выраженный эксикоз (обезвоживание организма). Дверь мне открыла мать ребенка, явно находившаяся «навеселе». На мое заключение о необходимости госпитализировать девочку отреагировала категорическим отказом. Тогда я предложил матери написать отказ от госпитализации. После этого она, хоть и неохотно, но согласилась на госпитализацию ребенка. Я вызвал из дома заведующую детским отделением и передал ей девочку, что называется, с рук на руки. Увы, утром я узнал, что, несмотря на проводившуюся интенсивную терапию, девочка погибла.

И теперь, чтобы преодолеть страх, я выезжаю на вызовы к детям грудного возраста вместе с акушеркой или фельдшером Александрой Георгиевной. Поскольку женщины Барановского и соседних деревень рожают, в основном, в нашей больнице, я прошу моих опытных помощниц тщательно проводить инструктаж рожениц относительно предупреждения диспепсии у новорожденных и своевременного обращения за помощью в больницу. Оглядываясь сегодня в прошлое, должен сказать, что, по счастью, за время моей работы «земским» врачом в Барановском случаев тяжёлой младенческой диспепсии и смертности у нас не было.

Принимать роды в стационаре я стараюсь сам. Хотя, признаюсь, мои помощницы деликатно, но настойчиво меня от этого отговаривают. Александра Георгиевна говорит, что, руководя потугами, я сам при этом так тужусь, что лицо у меня становится пунцовым.

— Как бы у вас, доктор, апоплексического удара не было.

Надо сказать, что с патологией беременности, точнее, с патологией родов, связаны воспоминания о наиболее тяжелых и трагических событиях моей деятельности в качестве «земского» врача. Случилось это уже в октябре.

Поздно вечером из отдалённого леспромхоза привезли роженицу, у которой около трёх часов тому назад отошли воды. Родовые схватки, поначалу сильные, вскоре прекратились. Судя по положению головки плода, у роженицы имелось полное раскрытие шейки матки. Александра Георгиевна с акушеркой вызвали меня. Начали проводить лекарственную стимуляцию родовой деятельности, которая эффекта не дала. Сердцебиение ребёнка не прослушивалось. Состояние роженицы прогрессивно ухудшалось, давление падало, нарастала тахикардия. Не скрою, мой настрой был близок к паническому. Я впервые оказался в такой ситуации и не знал, как поступить.

Александра Георгиевна отправила акушерку и Николая Сергеевича на центральный пункт связи Барановского, чтобы срочно запросить помощь в Вологодской областной больнице. Я тем временем попросил принести мне из дома учебник Скробанского по акушерству и стал судорожно перелистывать страницы раздела об осложнениях во время родов. Вновь и вновь открывалась страница со схемами плодоразрушающих операций.

Наконец вернулись акушерка и Николай Сергеевич. Несмотря на плохую телефонную связь им удалось дозвониться до Вологды. Дежурный станции скорой медицинской авиации сказал, что вертолёт санавиации вылетел для оказания помощи пострадавшим в серьёзной транспортной аварии. Обещал, как только вертолёт вернется, направить его в Барановское. Потом они дозвонились в Каду́й. Акушер-гинеколог Каду́йской райбольницы предложил доставить роженицу к ним.

– Да ведь осень, дожди, дорогу уже развезло. Не довезем же...

– А может, попробуете водным путем? У вас же река рядом. Может, на лодке сплавите как-нибудь?

Я понял, что в этой ситуации рассчитывать на помощь нам не приходится. Проблему придется решать самим. Я спросил у Александры Георгиевны:

– Что будем делать?

Она кивнула головой в сторону учебника Скробанского, раскрытого на странице со схемой операции краниотомии.

– Но я не смогу. Я не видел, не знаю как...

– Сможете, надо, – сказала она. – Сердцебиение ребёнка не прослушивается. Систолическое давление у матери 90. Она погибает!

С этими словами Александра Георгиевна протянула мне краниокласт из набора прекрасных хирургических инструментов, которые я обнаружил в первые дни своего

приезда в Барановское на чердаке амбулаторного корпуса. Мне нравилось думать, что этими инструментами пользовался в своей врачебной практике еще мой неведомый предшественник – первый земский врач Барановской больницы.

Мысленно я воззвал к помощи этого первопроходца Барановской земской медицины. Может, думаю, в хирургическом инструментарии осталась память о необходимых движениях...

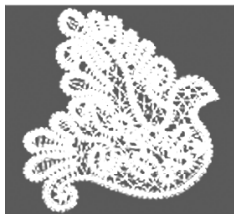
Дальше я действовал как бы в полусне, подчиняясь подсказкам Александры Георгиевны и акушерки.

После того, как извлекли плод, Александра Георгиевна сказала:

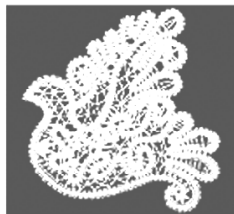
– Послед полностью не отделился, кровотечение продолжается. Надо удалить оставшуюся часть.

Я автоматически поднял правую руку, засучив рукав халата выше локтя. Акушерка обработала мне руку настойкой йода. Что делать дальше, я знал, так как во время врачебной практики в родильном доме города Гусева Калининградской области мне доверяли удалять остатки последа.

Мы наладили внутривенное вливание физиологического раствора, раствора хлористого кальция, глюкозы. Внутримышечно ввели викасол. Интенсивность кровотечения постепенно снижалась. Мы не отходили от пациентки и в молчании дожидались прибытия вертолёта. Он прилетел под утро и эвакуировал больную в Вологодскую областную больницу. Женщина была спасена.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД

МАНЕРНАЯ БОЛЕЗНЬ

Всю ночь я плохо спал. Меня тревожили какие-то странные звуки. Я вслушивался, пытаюсь понять, то ли это шум машины, везущей к нам больного, то ли крик новорожденного младенца, роды которого я прозевал. Но нет, это были какие-то совсем другие звуки. Я успокаивался и опять проваливался в сон.

Поднявшись по звонку будильника, я вышел из дома с намерением сделать зарядку на свежем воздухе. На крыльце дома, склонив голову, сидела Лукерья Ивановна. Услышав шаги, она взглянула на меня, и я увидел её заплаканное лицо.

– Что случилось, Лукерья Ивановна?

– Тося заболела. Всю ночь стонет, как резаная, и мечется из угла в угол. От еды отказывается. Не знаю, чем помочь.

Причина ночного шума прояснилась. Только вот я не мог сообразить, кто такая Тося. Может, это знакомая

или родня Лукерьи Ивановны... Детей у них с Петром Нестеровичем не было.

– А где больная?

– Да там, у нас в хлеву...

Тут я догадался, что речь идет не о пациентке, а о свинье из подсобного больничного хозяйства по кличке Тоська.

Вместе с плачущей Лукерьей Ивановной и Петром Нестеровичем мы осмотрели свинью. Действительно она «стонала, как резаная» и, пытаясь ходить, двигалась все время по кругу, заваливаясь вправо. В ветеринарии я, честно говоря, не разбирался вовсе. Чтобы не демонстрировать сразу свою беспомощность и выиграть время, я решил начать со стандартных вопросов при сборе жалоб и анамнеза: что беспокоит, какая температура, как с аппетитом, со стулом?

– Температуру ещё не мерили, чувствует себя плохо, что болит – не знаем, аппетита нет, стул – под ней, – ответил Петр Нестерович.

Я посмотрел «под ней». Солома под Тоськой была чистая.

– Измерьте температуру. Когда я вернусь, решим, что делать.

После обхода больных в стационаре, я пошел к хлеву, где застал Лукерью Ивановну. Она печально сидела рядом с лежащей на боку и стонущей Тоськой, почёсывая её щетинистый загривок. На мой вопрос о результатах измерения температуры ответила:

– Измерили. Петруша специально на ферму в Барановское съездил за градусником. Температура 38,5 градусов.

– А где измеряли? – уточнил я.

– Где, где? В заднице.

Я понятия не имел, какая температура для свиней, да еще измеренная ректально, считается нормальной, а какая – высокой. Но отметил про себя, что утром Тоська

ходила кругами, все время заваливаясь вправо. У меня возникло подозрение: может, это проявление поражения вестибулярного аппарата?

На кафедре ЛОР болезней занятия у нас вел доцент Олесов. Темой его диссертационного исследования была болезнь Меньера, связанная с поражением вестибулярного аппарата. Он настолько интересно рассказывал об этой патологии, что я записался в студенческое научное общество кафедры и даже пробовал изготовить оригинальную конструкцию аппарата для определения нистагма глаза – одного из симптомов болезни Меньера.

Я сообщил Лукерье Ивановне о предполагаемом диагнозе. Утирая рукавом слёзы, она сказала:

– Да пусть хоть и манерна! Вы лучше скажите, как животине помочь?

Глядя на плачущую Лукерью Ивановну, я вдруг вспомнил о другой женщине – жительнице соседнего района. Она пришла ко мне в слезах и с бумажкой в руках. На бумажке было написано «пенициллин 10 грамм».

– Доктор, родненький, – сказала она, – спаси мою Бурёнушку. Ветеринар сказал, что только вот это (и она ткнула пальцем в бумажку) может помочь, а у него этого «пенцилина» нет. Дай или продай мне «пенцилин». Чем хочешь за него заплачу: могу салом и яйцами, могу грибочками сушёными или солёными. Куда же нам деваться без Бурёнушки!

В те годы пенициллин был дефицитным препаратом. Аптечное управление отпускало его нашей Барановской больнице в крайне малом количестве. Я сэкономил расход пенициллина, сохраняя, как неприкосновенный запас, две минимальные курсовые дозы на крайний случай. На целую корову их бы все равно не хватило.

Стараясь говорить со всем возможным сочувствием, я произнес:

— Извините, я вас понимаю и хотел бы вам помочь. Но у нас в больнице осталось очень мало пенициллина. Только для тяжёлого больного.

Женщина посмотрела на меня с каким-то окаменевшим лицом и сказала:

— Тоже мне, доктор... Для скотины – лекарства пожалел!

Повернулась и медленно пошла к выходу.

Я не осуждал её, понимая, что Бурёнушка была для неё не менее дорога, чем родной и близкий человек. Да к тому же, скорее всего, и кормилица семьи.

Очнувшись от воспоминаний о хозяйке Бурёнушки, я попытался найти вразумительный ответ на вопрос Лукерьи Ивановны – что же делать с Тоськой? Спросил:

— А где Пётр Нестерович?

— Да собирался поехать в Барановское на ферму...

Услышав скрип велосипедной цепи, я обернулся. Из-за здания амбулатории выехал Пётр Нестерович. Он притормозил около нас:

— Вот, еду на ферму градусник вернуть.

Лукерья Ивановна подняла голову и с горечью произнесла:

— Петя, зайди по пути в правление. Сообщи там: доктор говорит, что у Тоськи болезнь манерна.

Я было хотел пояснить, что подозреваю у Тоськи вовсе не манерность, а болезнь Менъера... Но не успел. Пётр Нестерович, прокричав: «Ладно», налёг на педали и быстро покатил по дороге в сторону главной усадьбы Барановского.

Закончив амбулаторный приём, я пошёл обедать. Только сел за стол, как затрещал мотоцикл – приехал Николай Сергеевич. Он объявил:

— В Барановском – паника. Все говорят об эпидемии какой-то новой болезни скота.

Мы доедали суп, когда во дворе раздался шум автомобиля. В окно мы увидели подъехавший председатель-

ский ГАЗик. Александра Георгиевна вышла встретить Илью Павловича. Через минуту они появились в нашей «столовой». Александра Георгиевна пригласила Илью Павловича отобедать с нами, извинившись за то, что первое уже закончилось.

– Давай второе. Что там у тебя сегодня?

– Жаркое. Грибы с картошкой, – ответила Александра Георгиевна.

– Давай твоё жаркое, Шура, да сыпь побольше. Не жалея. Я с утра не завтракал, а прямо перед обедом мне передали, что наш ветеринар отправился сюда и просил меня тоже срочно подъехать. Что случилось-то? Мне толком не объяснили.

Говоря это, он отправил в рот полную ложку жарехи и начал энергично жевать. Затем вдруг остановился, пару раз потянул носом, принюхиваясь, а потом спросил:

– Шура, а чем это твоё жаркое воняет? Чем это ты председателя колхоза угощаешь?

– Жаркое на прошлогодней солонине. Вот она и попахивает, – ответила Александра Георгиевна.

– Шура, так ты этой тухлой солониной и Михаила Михайловича кормишь? Теперь понятно, чего это ему хочется скорее в Ленинград вернуться.

– Ну уж, чем богаты, тем и рады, Илья Павлович. Вот если бы колхоз помог... – ответила Александра Георгиевна.

Повисла пауза... Молчание прервал скрип открывающейся двери. На пороге стоял Пётр Нестерович.

– Илья Павлович, там в хлеву ветеринар нашу свинью осматривает. Просил передать, чтобы вы к нему шли.

Илья Павлович встал из-за стола:

– Вы нас, Михаил Михайлович, извините за эту протухшую солонину. Нужен нам с вами мужской разговор. Давайте завтра побеседуем. Договорились?

Он вышел из дома и быстро направился к хозяйственным постройкам больницы. Мы с Александрой Георгиевной пошли за ним.

В хлеву мы увидели заплаканную Лукерью Ивановну. Она сидела на соломе, служившей подстилкой скоту, положив голову Тоськи себе на колени и обняв её руками. Тоська, прикрыв глаза, постанывала. Рядом на пустом ящике сидел ветеринар Юрий Яковлевич. На самом деле, он был не ветеринар, а зоотехник из местных. Сверстники звали его Юркой, а старшее поколение – ветеринаром Юрием Яковлевичем.

– Юрий Яковлевич, что случилось? Что за шум, а драки нет? – спросил Илья Павлович.

– Мне из правления передали, что началась эпидемия скота какой-то «манерной болезнью». И что на больничном скотном дворе свинья от нее помирает. Вот я и примчался сюда. Просил передать, чтобы и вы тоже приезжали. Вообще-то, я о манерной болезни свиней никогда не слышал. Да и оповещения об эпидемии мы из района не получали.

Тут я вспомнил, как произнесённое мною название «болезнь Менъера» Лукерья Ивановна неправильно расслышала и переименовала на «болезнь манерна». И как она наказала Петру Нестеровичу сообщить в правлении о появлении этой болезни у свиньи Тоськи. Похоже, в правлении новость вызвала переполох, итогом которого стал визит председателя колхоза и зоотехника.

Я покаялся перед ними за то, что стал невольной причиной паники. Сказал, что даже не знаю, встречается ли болезнь Менъера у свиней. Высказал альтернативную версию возможной причины симптомов у Тоськи. Может быть, просто какое-то насекомое проникло через слуховой проход во внутреннее ухо и там жужжит, шевелит лапками и раздражает вестибулярный аппарат. Что

вызывает у Тоськи головокружение, головную боль и тошноту.

Мои слушатели расхохотались. Не смеялась только Лукерья Ивановна. Потом Илья Павлович сказал:

– Похоже, свинью забить придётся. Пусть санитарная служба определяет, в чем дело и нет ли тут опасного заболевания. А прошлогоднюю солонину завтра же выгребите с ледника и сожгите. Правление колхоза выделит больнице свежей свинины.

Лукерья Ивановна запричитала:

– Как же я останусь без Тосеньки!

– Не причитай Лукерья, к ноябрьским праздникам выделим тебе на воспитание двух поросят.

В разговор вмешался Пётр Нестерович:

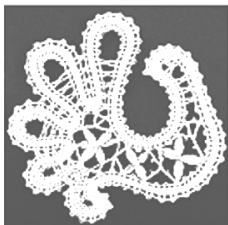
– Илья Павлович, у нас же вторая беда. Зорька совсем перестала доиться. Хотя жуёт за двоих. Корма не напасёшься. А намедни она вообще в канаву завалилась. Еле вытащили.

– Юрий, посмотри и Зорьку. Мне кажется, нечего скотину мучить. Она своё отжила. Добросовестно послужила. А тебе, Лукерья, выпишем дойную корову или тёлочку. Сама выбирай...

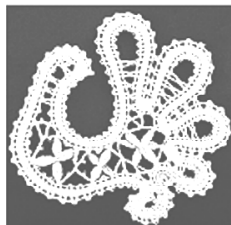
Лукерья Ивановна очумело смотрела на Илью Павловича, не зная, что сказать. А он повернулся ко мне и говорит:

– Так завтра у нас с вами мужской разговор? Договорились? Вечерком я заеду.

И пошёл к выходу. Мы – за ним. В хлеву осталась Лукерья Ивановна с Тоськой и Зорькой.

СЕМНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД

МУЖСКОЙ РАЗГОВОР

На следующий вечер Илья Павлович действительно приехал в больницу. Учитывая серьезность предстоящего разговора, я пригласил его в комнату, служившую мне кабинетом. Александра Георгиевна накрыла нам стол для чаепития на двоих. Когда мы уселись, она вошла в комнату с початой бутылкой «Столичной» и стопками. Илья Павлович махнул рукой, дескать, уноси это всё обратно.

– Михаил Михайлович, скажу прямо, без дипломатических политесов. Я приехал обсудить с вами, что нам сделать, чтобы вы остались работать в нашей больнице. От имени райкома партии мы обращались к ректору вашего института генералу Иванову. Он ответил, что может разрешить клиническому ординатору Соловьёву продлить командировку на один-два месяца при условии его согласия. Но если Соловьёв не приступит к занятиям в декабре, он автоматически будет отчислен из клинической ординатуры.

Я вот подумал, Михалыч, на кой чёрт тебе эта клиническая ординатура? Здесь у нас ты уже главный врач. На тебя люди молятся. А там в Ленинграде – ну кем ты будешь? Рядовым врачом, каких сотни. На что тебе сдался Ленинград? Я там каждый год бываю на встрече ветеранов нашего артполка. К городу подъезжаешь, а над ним то чёрное, то разноцветное облако дыма. И вы все там этим ядовитым воздухом дышите. А у нас, ты сам посуди, какой воздух! Какая рыбалка! А какие грибные места! Вот скоро начнётся сезон охоты! Я тебя обязательно приглашу. Отличное ружьё дам, лыжи-снегоходы. Ты бывал на охоте?

Когда он говорил о прекрасной рыбалке, я чуть не засмеялся, вспомнив нашу рыбалку с Иваном Михайловичем в его заветной заводи, где не было клёва. Когда же он обвинил мой город в том, что он накрыт ядовитым дымом, я не сдержался.

– Илья Павлович, пожалуйста, не говорите так о моём городе, не очерняйте его. Я же ленинградец.

– Извините, Михаил Михайлович, не хотел вас обидеть. Знаю, что вы уроженец этого города. Видел в вашем паспорте, когда в сейф его убирал. Знаю, что вы родились в Ленинграде в 1936 году, проживаете в Сапёрном переулке, не женаты. Я всё про вас знаю.

– Да не совсем всё, Илья Павлович... В паспорте же не указано, что я – житель блокадного Ленинграда, что отец мой и два его родных брата погибли при обороне и освобождении Ленинграда. Поэтому я не могу спокойно слушать, когда хаот мой город.

– Извини. Я не хотел обидеть ни тебя, ни твой любимый город. Ты сказал, что твой отец и дядья погибли, защищая Ленинград? А где они воевали?

– Отец и один из его братьев – на Ленинградском фронте, другой его брат – на Волховском фронте.

– Постой, постой. Я же начинал войну лейтенантом батареи сорокопятки на Волховском фронте. В 1942

году нас, тех, кто в живых остался, перебросили на Сталинградский фронт. Из пяти ленинградцев двое с нами были. Трое в Волховской земле остались. Хоть из интеллигентов, но хорошие, правильные мужики были. На Сталинградском фронте тех двоих ленинградцев и меня ранило. Живы они или нет – не знаю. В 1943 году в звании старшего лейтенанта я командовал батареей 76-миллиметровых пушек на Воронежском фронте Курской дуги. Среди наводчиков был у меня ленинградец – погиб. Шура, Шура, где ты? Тащи обратно водку. Надо выпить за Ленинград и ленинградцев.

В дверях появилась Александра Георгиевна с той же «Столичной».

– Ой! Я сейчас стопочки принесу.

– погоди. Не надо стопок. стаканы неси. Шура, а твой отец где погиб?

– Не знаю, Илья Павлович. Пропал без вести в августе 1941 года. А где его могила – не знаем.

– Так, Александра Георгиевна, тогда неси стул и ещё один стакан! – приказал Илья Павлович.

Он разлил водку по трём стаканам. Мы втроём встали и молча выпили до дна за память наших павших родных и всех, погибших в Великую Отечественную.

После этого Илья Павлович уже окончательно перешёл в общении со мной на «ты».

– Михалыч, вот что я скажу тебе как родному сыну...

Я подумал: «Если в 1941 году ему, выпускнику артиллерийского училища, было лет 20, а мне – 5, то разница возраста у нас всего 15 лет. Ничего себе – отец! Скорее уж старший брат. Но если, как говорят, один год участия в войне засчитывается за три, то разница уже гораздо солиднее. Придётся слушать его как отца».

– Оставайся-ка ты жить и работать у нас. Шура говорит, живёшь ты с матерью в одной комнате в комму-

налке. Соседей – шесть семей. На семнадцать жильцов – один туалет. Одна кухня, в которой на каждую семью по маленькой тумбочке. А еще женишься на какой-нибудь фифочке – что будет? Приведешь ты её в вашу коммунальную комнату в Сапёрном переулке и скажешь: «Мама, переходи жить за занавеску. А мы с моей фифочкой будем заниматься своими делами тут, по другую сторону занавески». Ну разве я не прав? А тут мы для тебя и твоей мамы дом построим не хуже, чем у меня. И не в переулке, а на главной улице Барановского, рядом с домом председателя. А если захочешь – на территории больницы. За полгода управимся. Жену тебе найдем – самую красивую, самую работающую девку Барановского. Сам её выберешь. Хозяйством обзаведёшься. Я помогу. Договорились?

Чтобы не огорчать Илью Павловича отказом, я ответил уклончиво:

– Спасибо. Подумаю.

А у самого в голове крутится: «Слышала бы этот разговор мама, она бы, наверное, поддержала идею Ильи Павловича. Она ведь деревенская: родилась и росла до одиннадцати лет в крестьянской семье в Подмосковье».

Но у меня уже были другие планы на будущее...

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД

ДЕРЕВЕНСКОЕ ТАНГО

Для практического осуществления своего плана перетянуть меня на жительство в Барановское Илья Павлович начал меня сватать – предоставил мне возможность присмотреть себе самую красивую девушку Барановского. Случилось это накануне ноябрьских праздников, на торжественном собрании жителей Барановского в честь завершения уборочной компании. Я был официально приглашён на праздник. За полчаса до начала за мной заехал на своем ГАЗике Илья Павлович. Когда я стал натягивать резиновые сапоги, в которых обычно ходил по глинистой, разбитой машинами дороге Барановского, он остановил меня.

– Михаил Михайлович, наденьте ботинки. На праздник же едем. Я вас и туда, и обратно самолично довезу.

В клубе всё было готово к началу торжественного заседания. На лавках теснились жители Барановского от мала до велика. За столом президиума, накрытого

красной скатертью, уже сидели парторг колхоза Иван Михайлович и представитель Кадуйского райкома партии. На заднем плане на стене висел большой портрет Первого Секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущёва. Илья Павлович подозвал молодого парня, секретаря комсомольской организации колхоза, и что-то ему тихо сказал. Парень вышел из зала и вскоре вернулся со стулом. Поставил его у стола и пригласил меня занять место в президиуме.

Заседание открыл представитель райкома КПСС. Он рассказал об успехах тружеников села нашей страны. Отметил, что благодаря этим успехам в этом году осуществлён запуск космического корабля «Восток-2», на котором Герман Степанович Титов совершил 17 оборотов вокруг Земли.

Затем выступил Иван Михайлович с докладом о выполнении и перевыполнении социалистических обязательств перед страной по сбору урожая зерновых, овощных культур, совершенствованию мясомолочного производства. За высокие трудовые достижения большой группе работников колхоза были объявлены благодарности, выданы почётные грамоты и ценные подарки. Высокую оценку за улучшение медицинской помощи населению Барановского получил коллектив больницы. Труд фельдшера Александры Георгиевны был отмечен почётной грамотой Вологодского облздравотдела и денежной премией. Пётр Нестерович в качестве ценного подарка получил велосипед Харьковского завода. Лукерье Ивановне постановлением правления колхоза выделили для откорма двух поросят. Не считая того, что вместо Зорьки в хлеву больницы уже стояла молодая дойная корова, которую Лукерья Ивановна старательно приучала к кличке Зорька. Мне тоже была вручена почётная грамота и денежная премия. После награждения состоялся концерт самодеятельности – смотр местных талантов.

Потом секретарь комсомольской организации объявил о начале танцев. Возрастные начали потихоньку расходиться, а молодёжь дружно убрала скамейки из середины зала, расставив их вдоль стен. С одной стороны зала сели девушки в праздничных нарядах. Вдоль противоположной стены разместились парни. Начались танцы под радиолу.

Когда был объявлен белый танец и раздалась мелодия «Танго соловья», ко мне подбежала и пригласила на танец наша медсестра Тамара – симпатичная, бойкая девушка. Помня наказ Александры Георгиевны и Лукерьи Ивановны остерегаться этой, как они её называли, «шалопутной девки», я извинился перед Тамарой, сказав, что по дороге на собрание подвернул ногу, так что танцевать не могу. Когда нога пройдет, мы с ней обязательно станцуем «Танго соловья».

Тамара расхохоталась, сказав мне:

– Какой же вы обманщик, Михаил Михайлович.

После чего повернулась и пошла к скамейкам, на которых сидели парни. Со скамейки поднялся и двинулся ей навстречу высокий парень в кепке-«лондонке» и брюках, заправленных в русские хромовые сапоги гармошкой. Потухшая папироска вызывающе подрагивала у него в углу рта. Тамара прильнула к парню... Вся мизансцена вдруг живо напомнила мне драматический эпизод из жизни юного сельского врача Александра Зеленина, героя книги Василия Аксёнова «Коллеги». Я подумал: «Вот так вмешается несведущий городской гость в запутанную драматургию сельских страстей, станцует “Танго соловья” с деревенской красоткой, а после – ищи его бездыханное тело в кустах где-нибудь по дороге в больницу».

Заводить знакомство с местными прелестницами расхотелось. Ко мне подошёл Илья Павлович:

– Ну что, Михалыч, подобрал себе подходящую невесту?

– Пока нет. Честно говоря, я бы уже домой поехал. Завтра – трудный день.

– Отвезу как обещал, – сказал Илья Павлович. – Вот только с гостем из бюро райкома попрощаюсь и буду в твоём распоряжении. Выходи из клуба минут через десять.

Когда мы сели в машину, Илья Павлович спросил:

– Ну что? Так ни одна из наших красавиц и не понравилась? А ведь та голубоглазая с русой косой, что сидела в самой середке – моя дочка. Чем не Василиса прекрасная? Вот и породнились бы с тобой!

– Почему не понравилась? Понравилась. Просто у меня уже есть невеста в Ленинграде.

– Кто такая? – спросил Илья Павлович

– Она – врач. Мы вместе учились в институте, – ответил я.

– А фотокарточка ее у тебя есть? Покажешь?

– Есть, но не с собой. Дома.

Когда подъехали к Дому врача, Илья Павлович первым вышел из машины и сказал:

– Идём смотреть твою фифочку.

В спальне на тумбочке у кровати поверх «Справочника практического врача» лежала фотография моей избранницы. Илья Павлович взял фотографию и долго ее разглядывал. Потом спросил:

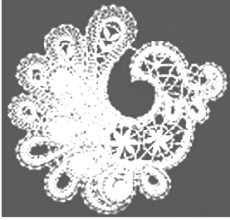
– Как зовут?

– Карина.

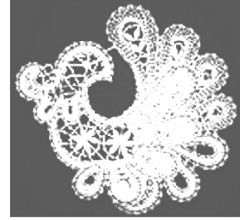
Продолжая рассматривать фотографию, он сказал:

– Хороша! Но имей в виду, она из тебя верёвки будет вить. Уж поверь мне. Я-то знаю. Это я на людях – герой, майор, артиллерист. А дома моя краля из меня верёвки вьёт. Смотри, Михалыч, не ошибись.

– Поживём – увидим, – ответил я. На этом мы расстались.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД

НА ДЕРЕВНЕ РАССТАВАНИЕ: ПОЮТ, ПРОВОЖАЮТ...

Вот и наступил последний день моей работы «земским» врачом в Барановской больнице. С утра я провел обход больных стационара. Из десяти госпитальных коек было занято семь. В родильном отделении находилась одна «мамочка» с дочкой, за ними должен был приехать молодой отец. Койки инфекционного отделения пустовали.

О моём отъезде знали все. Поэтому у здания амбулатории толпилось много людей, которые пришли на прием не столько с жалобами на болезнь, сколько для того, чтобы попрощаться, поблагодарить меня. Не обошлось и без подарков «от чистого сердца» в виде куриных яиц, грибов, клюквы. Я всех благодарил, но отказывался взять продукты, ссылаясь на то, что в чемодане уже нет места.

Из Барановского приехал Николай Сергеевич и сообщил, что к 17 часам приедет попрощаться Илья

Павлович. На его машине меня отвезут к проходящему поезду, который останавливается в Кадуе в половине одиннадцатого, а прибывает в Ленинград рано утром.

Закончив приём больных, я пошёл домой собираться в дорогу. Сборы мои были недолгими. За все время своей врачебной практики я никуда из Барановского не выезжал, исключая, конечно, вызовы к больным, ничего не покупал. Так что все мои вещи легко уместились в тот же чемодан, с которым я и приехал в Барановскую больницу четыре с половиной месяца назад.

В комнату вошла Александра Георгиевна. Сказала, что к приходу Ильи Павловича хочет накрыть стол у меня в кабинете. Чтобы не мешать ей, я решил сделать прощальный круг на новом велосипеде Петра Нестеровича, проехать по тем местам, где рыбачил с Иваном Михайловичем, ездил по грибы с Николаем Сергеевичем. Я ехал по знакомым мне дорогам, дорожкам, тропинкам, но не узнавал привычных мест. Листья с берёз и осин облетели, лес утратил свой сказочно-чарующий жёлто-багряный окрас. Водная гладь маленьких лесных озерцов была покрыта тонким прозрачным льдом, отражавшим лучи низкого солнца.

Вдруг издалека до меня донесся ставший знакомым и ожидаемым призыв:

– Михаил Михайлович! Доктор Михаил Михайлович!

– Еду! Еду! – крикнул я несколько раз. И изо всех сил налег на педали велосипеда.

Оказалось, что Илья Павлович уже приехал, и все ждут только меня. Здесь были Александра Георгиевна с супругом Николаем Сергеевичем, больничный завхоз Пётр Нестерович с Лукерьей Ивановной, парторг колхоза Иван Михайлович, медицинский персонал больницы.

На столе стояли дымящийся чугунок щей и огромная сковорода традиционных жареных грибов с картошкой.

Высилась небольшая батарея бутылок с водкой и портвейном.

Разлив водку по стопкам, Илья Павлович поднялся и взял слово. Он долго говорил о том, какой я хороший врач, как много сделал для жителей Барановского колхоза и соседних поселений. Потом вручил мне благодарственное письмо на имя ректора мединститута, денежную премию и мой паспорт, который все эти месяцы хранился в его сейфе в правлении. Своё выступление он закончил так:

– Михаил Михайлович, мы будем рады, если вы решите провести свой отпуск у нас. А еще лучше – приезжайте сюда работать и жить насовсем. Приезжайте со своей кралей, в смысле – с Кариной. Там в машине – подарок от колхоза и лично от меня для вашей матушки.

Александра Георгиевна шепнула мне на ухо:

– Там свинина, но не Тоськина.

Она предложила всем собравшимся отведать любимой еды Михаила Михайловича. Все с аппетитом принялись за щи и жаркое, приготовленные на свежем мясе. Должен признаться, что и мне эта еда нравилась несравненно больше той, которую мне готовили на прошлогодней солонине «с душком», пока не заболела Тоська. Присутствующие смеялись, вспоминая переполох, который вызвали слухи об эпидемии «манерной болезни». Лишь Лукерья Ивановна вдруг заплакала, встала и, утирая слёзы, ушла из дома в сторону хозяйственных построек.

Пётр Нестерович тоже встал и пошёл за женой. Вскоре он вернулся. Успокоил собравшихся, сказав:

– Лукерья моя никак не может забыть свою любимицу – Тоську. Вот и пошла выплакивать горе поросяткам.

Говоря это, он переставил патефон на край стола, завел его. Комната наполнилась звуками популярной песни:

«На деревне расставание поют,
провожают гармониста в институт.
Хороводы водят девушки вокруг.
До свиданья, до свиданья, милый друг»

Все по очереди произносили тосты, которые заканчивались пожеланием скорой встречи. Но вот Илья Павлович встал, взглянул на свои командирские часы и сказал:

– Пора, ребяташки. По машинам.

Пётр Нестерович сменил пластинку на патефоне. Раздались душещипательные звуки марша «Прощание славянки». Все вышли из дома.

Илья Павлович сказал:

– Михаил Михайлович, вы поезжайте в Кадуй с Иваном Михайловичем, Петром Нестеровичем и Александрой Георгиевной. Она должна забрать в Кадуйской больнице какой-то заказ для аптеки. А мне нужно срочно по одному делу съездить. Так что мы уж с Николаем Сергеевичем на мотоцикле.

Мы обнялись и расцеловались. Уже забравшись в коляску мотоцикла, Илья Павлович приподнялся и крикнул:

– Возвращайся, Михалыч, со своей Кралей-Кариной. Не пожалеешь!

Из дома вышли Иван Михайлович и Пётр Нестерович. Один нёс к машине берёзовый короб, другой – брезентовый баул. На мой вопрос: «Что это?» Иван Михайлович ответил:

– Это вам на добрую память о нас. От чистого сердца!

Услышав его слова, Александра Георгиевна, уже сидевшая в машине, выскочила из кабины и устремилась к дому с криком:

– Подождите! Подождите! Совсем забыла!

Через минуту она выбежала из дома и, запыхавшись, быстро протянула мне завернутый в холщевую ткань сверток со словами:

– Совсем забыла. Это вам и вашей маме туесок из бересты с настоящим вологодским маслом.

Место водителя занял Иван Михайлович. Я сел рядом с ним. Сзади, стиснутые берестяным коробом, баулом и моим чемоданом, разместились Александра Георгиевна и Петр Нестерович. Машина качнулась и тронулась.

Сердце моё замерло. Я вспомнил летнее путешествие из Кадуя в Барановское, как меня тогда укачало в дороге и в каком состоянии я был, когда добрался до больницы. Вот сейчас десяток-другой рытвин на дороге - и все! Придется мне просить Ивана Михайловича остановить машину, чтобы прийти в себя. Может, вообще придется вернуться в Барановское... И возможно, навсегда... Вдруг это – Судьба?

И тут Судьба властной рукой очередной раз вмешалась в ход моей жизни. Как это бывало уже не раз прежде. Ровно двадцать лет тому назад в ноябре 1941 года в Ленинграде она дважды пощадила меня.

В годовщину Октябрьской революции была особенно сильная бомбёжка Ленинграда. В наш семиэтажный дом в центре города повторно попала фугасная бомба. Я помнил, как наш управдом говорил, что снаряд в одно место два раза не падает. Но, видно, то – снаряд, а то - фугасная бомба: на нее это правило, вероятно, не распространялось. Мы с братом пережидали бомбежку, сидя в комнате под обеденным столом. Квартира наша располагалась на первом этаже. Все межэтажные перекрытия дома вплоть до первого этажа были пробиты. И только потолок нашей комнаты, хоть и треснул, но устоял. Мы остались живы.

К середине ноября 1941 года в блокадном Ленинграде, по официальным данным, продуктов оставалось

на три дня. Военный совет фронта обсуждал возможность сокращения и без того «голодных» норм, чтобы не прекратить вовсе выдачу хлеба в городе... И вдруг ударили такие сильные морозы, что замёрзло Ладожское озеро, и 23 ноября по его льду в Ленинград прошли первые машины с продуктами. Мы выжили.

И вот сегодня Судьба опять распорядилась по-своему. Вода, стоявшая всю осень в рытвинах и глубоких колеях грунтовой дороги, замерзла. Первый лед выровнял дорогу. Наш лёгкий ГАЗик без особых толчков и качки менее чем за три часа добрался до Кадуя.

Так что на железнодорожную станцию я прибыл в приличном состоянии. Приобрёл билет в плацкартный вагон проходящего поезда до Ленинграда. В ожидании поезда мы пили чай в вокзальном буфете. Я извинился перед Александрой Георгиевной за то, что из-за меня ей придется возвращаться домой глубокой ночью.

– Не переживайте, Михаил Михайлович. Мне же в любом случае нужно было в Каду́й. Получить аптеку, а еще забрать камеру. Мы заранее договорились, чтобы нам все пакеты оставили в приемном покое у дежурного врача больницы. Проводим вас, посадим в поезд, а на обратном пути заедем в больницу за аптекой и камерой.

– О какой камере вы все время говорите? – спросил я.

– Да о камере Горяева для исследования крови. Вы же сами просили включить ее в заявку.

– Ну, вот! А я уезжаю... Так может, уже и не стоит ее забирать? Пусть остается в Каду́йской больнице...

– Нет, Михаил Михайлович. Пусть побудет у нас. Вот вы вернётесь к нам на постоянную работу... Научите меня считать лейкоциты с помощью камеры... Буду у вас по совместительству лаборанткой!

По громкой связи объявили о прибытии поезда на Ленинград. Мои спутники подхватили вещи, чтобы

перенести их к третьему вагону. Берестяной короб нёс Петр Нестерович, брезентовый баул – Иван Михайлович. Я взял было свой чемодан, но его буквально вырвала у меня из рук Александра Георгиевна.

Когда прибывший поезд остановился, Иван Михайлович стремительно запрыгнул в тамбур вагона, о чем-то быстро переговорил с проводником и передал ему какой-то конверт. Спрыгнул с подножки вагона и скороговоркой произнес:

– С проводником обо всем договорился. Он найдет носильщика, чтобы довёз ваши вещи до стоянки такси и с таксистом рассчитался. Пусть доставят вас домой в целости и сохранности.

Багаж закинули в вагон. Проводник, бросив на меня уважительный взгляд, подхватил сумки и понёс их на мое место. Поезд тронулся. Я стоял в тамбуре в дверном проеме, смотрел на махавших мне руками Александру Георгиевну, Ивана Михайловича и Петра Нестеровича и махал им в ответ, пока их фигуры и саму станцию не размыло в темноте.

ДВАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД

БЫЛОЕ И ДУМЫ (ПО ДОРОГЕ В ЛЕНИНГРАД)

Волнения во время сборов, прощания, поездка в машине по грунтовой дороге до Кадуя, «посошки на дорожку» сделали своё дело. Не успел я забраться на свою верхнюю полку, как, повернувшись лицом к стене в сторону уплывающей в темноту Вологодчины, ментально погрузился в сон. И во сне начали разворачиваться передо мной картины из остающейся позади сельской жизни. Сон мой часто прерывался гудками паровоза перед железнодорожными переездами и станциями. От этих сигналов я просыпался, а потом снова засыпал. И тогда на смену предыдущей картинке приходила другая.

Вот, как наяву, я сижу в амбулатории и в страхе ожидаю начала приёма. Через окно вижу длинную очередь больных: мужчины и женщины, старые и молодые, дети. Все они пришли на приём к ленинградскому доктору. В сне я испытываю непреодолимый страх. Мне

кажется, что всё, что я знал, чему учили меня шесть лет в институте, я забыл. Я даже не помню, что нужно сказать и о чем нужно спросить при первой встрече с больным. А больной уже вошёл, стоит передо мной и смотрит выжидательно. Сейчас он поймёт и расскажет всем, что я не врач, а шарлатан. Но тут из-за шкафа с медицинскими инструментами появляются один за другим мои учителя-наставники. Я почему-то точно знаю, что вижу их только я, а для больного они остаются невидимы. Встав рядом со мной, каждый из них подсказывает, о чём я должен спрашивать, что и как должен делать. Мой страх исчезает, приём больных движется безостановочно, очередь за окном быстро сокращается.

Я пробуждаюсь от гудка паровоза и думаю: «Как мне повезло с учителями. Они прекрасно учили нас не только тому, как ставить диагноз и лечить болезни, но и на примерах из своей практики, своим отношением к больным, к коллегам и к нам, студентам, показывали, какими мы должны стать врачами».

Снова, как наяву, я сижу на амбулаторном приёме больных. Мне помогает вести приём фельдшер Александра Георгиевна. Я расспрашиваю и осматриваю пациентку, а моя помощница под диктовку записывает данные обследования. Я останавливаюсь, задумываюсь. У больной крестцово-поясничный радикулит. Надо назначить ей лечение. Вспоминаю стандартную фразу: покой, тепло и обезболивающие. Уверенно произношу:

– Вам поможет тепло и покой. Выдадим вам освобождение от работы на недельку. Полежите в тёплой постели под одеялом.

Наклонившись к моему уху, Александра Георгиевна шепчет:

– Что вы делаете? С этим освобождением от работы она же с утра до вечера будет сидеть в болоте и под дождём собирать клюкву.

Проснувшись от паровозного гудка, думаю: «Ей-то легко решать задачу индивидуального подхода к лечению больного. Она все знает о каждом жителе Барановского, знает, где и как он работает, знает его домашние обстоятельства, чем он болел раньше, какие у него вредные привычки...»

Я вновь засыпаю и вижу себя у больничной койки, на которой лежит, скорчившись от боли, тракторист. Я подозреваю у него прободную язву желудка. Необходимо срочно эвакуировать больного в Вологодскую областную больницу для неотложного оперативного вмешательства. Сообщаю об этом больному.

– Михаил Михайлович, я вам доверяю. Режьте вы. Никуда я не полечу. Я вам верю. Режьте.

Я пытаюсь уговорить больного лететь в Вологду, но он все твердит свое:

– Я вам доверяю. Режьте.

– Понимаете, я бы мог вас прооперировать, но у меня нет необходимого инструмента.

Больной морщится от боли:

– Нет инструмента – ну, это другое дело. Ладно, тогда полечу.

От гудка паровоза просыпаюсь и недоумеваю: «Почему больной так верит в меня – вчерашнего студента-медика? Так же, как верили в свое исцеление из моих рук плоховидящие и незрячие пациенты после того, как у моего пациента с множественными колотыми ранами век и глаз сохранилось зрение. Какая же это великая ответственность! Сколько сил нужно будет приложить в жизни, чтобы оправдать доверие больного!»

Я вновь засыпаю и вижу себя сидящим на крыльце большого деревянного дома с резными крашеными наличниками. Я знаю, что это мой дом. После бани я пью чай с вареньем. Рядом пышет жаром тульский само-

вар. Двор обнесен высоким палисадом, по двору, гогоча, вразвалочку бродят гуси, похрюкивая, лежат в тени свиньи с поросятами. Из хлева на заднем дворе доносится мычание коровы. Я слышу чей-то зов из-за забора:

– Доктор! Доктор, Михаил Михайлович! Привезли больного.

Неспешно наливая себе очередную чашку чая, я с ленцой отвечаю голосу за забором:

– Пусть фельдшер посмотрит больного, придёт сюда и доложит мне, что случилось.

Я просыпаюсь то ли от гудка паровоза, то ли от стыда за то, каким я стал. Недопустимо, ни в коем случае нельзя, чтобы повседневная обыденность и житейские блага когда-нибудь затуманили четкую ясность врачебного долга, скрепленного клятвой. Долга служить людям.

Переворачиваюсь на другой бок. Лицом в ту сторону, куда движется поезд, в сторону Ленинграда, в моё будущее.

Вновь засыпаю и вижу, как на перроне вокзала меня встречает моя подруга Карина. Она уже год, как работает врачом-травматологом в Ленинграде. Мы идем по платформе. Я рассказываю ей о своей работе в должности главного и единственного врача «земской» межучастковой Барановской больницы. О неожиданных ситуациях, в которых пришлось мне оказаться. О том, что чувствуешь, когда спасаешь жизнь больного. О замечательных людях – жителях Вологодчины, которые доверяли мне свое здоровье и свои жизни. И как они от чистого сердца были благодарны за оказанную помощь. Карина внимательно слушает меня и восхищается моими успехами. Мне приятно слышать такую высокую оценку, и я опять засыпаю.

Во сне я вижу, как на заработанные деньги я покупаю подарок для мамы по случаю дня её рождения и выхода на пенсию. Решаю, что себе я куплю пишущую машинку и фотоаппарат, как советует начинающим молодым учёным заведующий нашей кафедрой профессор Андрей Александрович Къяндский. А еще куплю хорошие билеты в Кировский театр (хотя ленинградцы по-прежнему называют его Мариинский) и приглашу Карину. Здорово, если получится достать билеты на балет «Спартак» Арама Хачатуряна. Карина с ним знакома, и его музыка ей очень нравится.

На этом мой сон-мечту прервал голос проводника:
– Вставайте. Подъезжаем к Ленинграду.

Пока я одевался, он вынес мой багаж в тамбур. Когда поезд остановился, он выпрыгнул на перрон, позвал носильщика с тележкой. Дальше всё было так, как обещал Иван Михайлович. Проводник вместе с носильщиком закинули мой багаж на тележку. На стоянке такси носильщик договорился с водителем и загрузил мой багаж в машину.

Я сел рядом с шофером. Через двадцать минут такси остановилось у дома в Сапёрном переулке. Я испытал неожиданную радость от привычного скрипа дверцы лифта и знакомого ощущения подрагивания кабины, поднимающейся на верхний этаж. Еще минута – и я стоял перед дверью коммунальной квартиры с шестью кнопками звонков. Я нажал ту, под которой было написано «Симонова Е.Д., Соловьёв М.М.».

Дверь открыла мама. Она встретила меня словами:

– И вчера, и только что тебе звонила твоя Карина.

Спрашивала, на какой вокзал и когда ты приезжаешь.

Я позвонил Карине:

– Где и когда мы встретимся?

– Там же, где всегда!

Мы долго сидели в кафе у Преображенского собора. Как в моем дорожном сне, я рассказывал ей о Барановской больнице. А она, совсем как в моем сне, удивлялась моим рассказам и хвалила меня.

С того времени, уважаемый читатель, прошло более шестидесяти лет. Все эти годы мы всегда были вместе. И она никогда не пыталась вить из меня верёвки*.

* Если читателя интересует, как сложилась дальнейшая судьба героя и его подруги, он может узнать об этом из книги автора «Путь хирурга от мечты о море до синдрома ПСАФ аутодезадаптации».

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Земская медицина осталась в истории отечественного здравоохранения особой формой медико-санитарного обеспечения сельского населения. Становление этой общественной, подлинно «народной» медицины связано с политическими преобразованиями 1864 года, получившими в российской истории название «Земская реформа». В круг вопросов, решаемых всеобщим выборным местным самоуправлением (земством), наряду с вопросами местного благоустройства, народного образования, сельского хозяйства, входили и проблемы медицины. Необходимость «попечения о народном здравии» продиктовала сама жизнь. Народная медицина стала социальной службой. И весьма удачной. В 30-е годы XX века российская земская медицина получила всемирное признание как наилучшая модель организации медицинской помощи сельскому населению.

Крупнейшей заслугой земской медицины явилось создание врачебных участков как первичной формы организации медицинской помощи на селе. Причем не только амбулаторной, но и стационарной помощи.

Земские врачи стали совершенно особой группой во врачебном сообществе. Универсальность профессиональных знаний и навыков роднила земского врача с врачами классической античности. Повседневная практика требовала от него опыта терапевта, хирурга, акушера-гинеколога, психиатра, стоматолога, эпидемиолога, организатора здравоохранения. Земские врачи рассматривали свою деятельность как служение народу, исполнение перед ним своего долга. Представители земской медицины оставили нам многочисленные примеры высокого профессионализма и бескорыстного подвижничества в служении нуждающимся и страждущим.

За полтора века, прошедшие со времен зарождения «народной» земской медицины, изменилось очень много.

На смену земству с его системой сбора пожертвований на поддержание сельской медицины пришли органы местного территориального управления, реализующие государственные гарантии в области бесплатного оказания медицинской помощи населению. Доступность медицинской помощи, даже в удаленных поселениях, принципиально меняется по мере развития дорожно-транспортной системы. Много делается для укрепления материально-технической базы оказания скорой и доврачебной медицинской помощи на селе, расширения возможностей догоспитальной транспортировки больных. Все больше сельских территорий охвачены интернет-связью. Искусственный интеллект способен обеспечить мощную информационную поддержку медицинскому работнику.

И все же, все же... Едва ли искусственный интеллект или дистанционная консультация сумеют в обозримом будущем заменить больному целительную силу врачебного слова, а врачу прочувствовать (зачастую на интуитивном невербальном уровне) эмоциональное состояние пациента и вовремя дать необходимый коммуникативный отклик. Эмоциональная эмпатия – уникальная черта, присущая человеческой личности, которая влияет на результаты проводимого лечения ничуть не меньше, чем научные знания и профессиональные компетенции.

Этому меня учили мои наставники в студенческие годы. В этом меня убедил мой опыт работы врачом в сельской межучастковой больнице Вологодской области. А также спустя многие годы – опыт работы главным челюстно-лицевым хирургом и стоматологом Ленинградской области.

Мне хочется думать, что моя работа в Барановской больнице позволила мне прикоснуться к высоким нравственным установкам земской медицины, традициям подвижничества и жертвенности наших предшественников, установивших высокую планку профессиональной ответственности и врачебного долга для представителей новых поколений отечественной медицины.

СОДЕРЖАНИЕ

Первый эпизод. Криминальная история	11
Второй эпизод. Мой первый пациент	14
Третий эпизод. Знакомство с Барановской больницей	17
Четвертый эпизод. Первый рабочий день	24
Пятый эпизод. Будни «земского» врача: теория и практика	34
Шестой эпизод. Колотая травма глаз циркулем «козья ножка»	36
Седьмой эпизод. Местные особенности болезней	41
Восьмой эпизод. Судмедэкспертиза	45
Девятый эпизод. Как перевезти через реку козу, капусту и волка	49
Десятый эпизод. Работа в режиме профилактория	53
Одиннадцатый эпизод. Внедрение «передовых» технологий	64
Двенадцатый эпизод. Под микроскопом	70
Тринадцатый эпизод. От всего сердца	72
Четырнадцатый эпизод. По грибы	78
Пятнадцатый эпизод. Плата за страх	84
Шестнадцатый эпизод. Манерная болезнь	89
Семнадцатый эпизод. Мужской разговор	96
Восемнадцатый эпизод. Деревенское танго	100
Деятнадцатый эпизод. На деревне расставание: поют, провожают...	104
Двадцатый эпизод. Былое и думы (по дороге в Ленинград)	111
Вместо эпилога	117